

СЕРГЕЙ БОГАЧЁВ

ПРОКЛЯТИЕ
МИТРИДАТА

Сергей Богачев

Проклятие Митридата

«Алгоритм»

2016

УДК 82-312.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Богачев С.

Проклятие Митридата / С. Богачев — «Алгоритм», 2016

ISBN 978-5-906880-26-0

Тот, кто проникнет в тайны древней Скифии и Боспорского царства, сможет разобраться в загадочных событиях дня сегодняшнего, циничных предательствах, гибели малазийского «боинга»... Ложь, измены и проклятия, несущиеся друг за другом, оставляют после себя безжизненную землю. Кому под силу остановить этот бег?

УДК 82-312.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906880-26-0

© Богачев С., 2016
© Алгоритм, 2016

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Богачев

Проклятие Митридата

Вместо предисловия

Человека окружает множество грехов: воровство, ложь, убийство, прелюбодеяние... Наша мораль осуждает грешников. Однако находятся люди, которые с гордостью говорят: «Я вор», или с видимым удовольствием рассказывают о том, как соблазнили жену друга. Но существует один грех, которым никто не гордится, от которого даже закоренелые преступники отрекаются, – это предательство.

Во все времена предателей презирали, изгоняли, приговаривали к смертной казни или тюремному заключению. Но искоренить этот грех невозможно, пока существует человечество.

Путь к предательству отмечен мелкими вехами: небольшая ложь, мелкое воровство, жажда получить то, что не заработано. Ничего личного, мужики, просто бизнес; ну да, обещал, но в сложившейся ситуации другого выхода не было – не правда ли, знакомые отговорки? И рано или поздно предательство становится неизбежным, порой это уже образ жизни.

Но если для рядового человека предательство единично, то для многих политиков и чиновников это естественное продолжение их жизни. Сегодня – с одними, завтра – с другими. Зато на плаву. И всегда готовы оправдать собственные действия: я пересмотрел свои взгляды – моя сегодняшняя позиция отвечает интересам народа.

Со временем негативная масса достигает критического уровня, и человек, сам того не ведая, становится стержнем, на который нанизываются проклятия, ненависть, людская злоба. И даже если предатель не будет подвластен суду, от него и без того сначала отвернутся окружающие, чуть позже – друзья, а в конце концов сыновья предадут его, и останутся только два пути: быстрый – к Господу Богу, долгий – смерть под забором при общем презрении. Но, чтобы сделать окончательный выбор, нужна смелость. Или ее отсутствие.

Глава 1

Случайная находка

5 мая 2013 года

Май в этом году выдался не по-весеннему жарким. Донбасское солнце нещадно выжигало на коже контуры нательных маек и футболок. Строительная техника – раскаленные, как духовки, бульдозеры и самосвалы – источала стойкий запах разогретого топлива, смешанного с запахом горячего металла. Бригада Василия Криворучко готовила котлованы под фундаменты корпусов летнего лагеря отдыха для детей. Сроки выполнения и качество строительных работ были жестко оговорены в контракте, поэтому работать приходилось практически круглосуточно. Однако и бригадир, и его ребята, несмотря на плотный график, трудились с огоньком. Дома почти у каждого были малолетние дети, и, когда подходила пора летних каникул, проблема их оздоровления стояла особенно актуально.

Василий и сам хорошо помнил, как его, «проблемного» мальчишку, с восьмилетнего возраста мать каждый год отправляла на целую смену, а если получалось, то и на две, в пионерский лагерь в Славяногорск, к Северскому Донцу. Белый песок и смолистые, упирающиеся прямо в небо тонкие сосны, подъемы по сигналу пионерского горна и страшные, переходящие от смены к смене ночные рассказы о черной-пречерной комнате, в центре которой, как правило, стоял черный-пречерный гроб... А еще вспоминались в меру строгие и важные, но веселые и отзывчивые пионервожатые, и прежде всего подтянутый и озабоченный вниманием к женскому полу физрук Олег Валерьянович – студент института физкультуры с неизменным металлическим свистком на шее. И многочисленные товарищи. Сколько новых друзей в те беззаботные летние месяцы находил Василий, сколько спортивных грамот привозил каждое лето домой и с гордостью показывал матери и соседям, а главное, той невысокой золотоволосой девочке. Стоп, как же ее звали?! Кажется, Таня. Да, точно, Таня!

Василий, конечно, уже не мог припомнить, какой тогда был год и в каком отряде он был. Но эту девочку с озорным взглядом не забыл до сих пор. Робевший только в директорском кабинете, куда его, случалось, вызывали «на внушение», не боявшийся даже хулиганистых пацанов из старших классов, перед этой худенькой девочкой он все же терялся, сразу убегал на спортплощадку и наблюдал за ней издалека. Зато, когда они с ребятами играли в футбол, а девчонки болели за них на трибуне, лучшего нападающего, чем он, в том заезде не было. Вскоре на посиделках у костра они познакомились. Первый неуклюжий поцелуй, обмен фотографиями и письма, которые он никому не показывал...

Конечно, все это давным-давно прошло. Годы пролетели быстро: Василий окончил строительный техникум, затем – армия и женитьба на Марине. Через год у них родилась дочь, потом сын. Дождавшись своей очереди, они получили квартиру, к счастью не в самом отдаленном районе города. Да, такое тогда еще было возможным... Но те наивные письма и фотографию маленькой девчонки с золотыми косичками он бережно хранил в альбоме, спрятанном от посторонних глаз. А может, это и называется первая любовь, которую помнят всю оставшуюся жизнь? Да что тут говорить!..

Василий развернул мощный бульдозер и направил машину на новый участок земли. Его бригада из десяти человек приехала на эту стройку первой. Всем им было до сорока лет, и они не один год работали вместе. Жили недалеко от стройки в наскоро сколоченных деревянных домиках. Еду им привозили из ближайшей поселковой столовой. Во время отдыха хлопцы слушали радио, играли в волейбол и домино, а на другие развлечения времени уже не оставалось. До поселка было полчаса езды, и самые молодые ребята из бригады по выход-

ным рвались туда на танцы или в кафе. Но Василий, учитывая срочность и важность задания, на время работы ввел в бригаде «сухой закон». А поскольку «насухую» веселиться не принято, то и смысл в такой поездке полностью исчезал.

Оставался, правда, вопрос общения с женским полом, но тут, рассудил Василий, можно месяцок и потерпеть. Впрочем, неделю назад у них появились соседи: рядом небольшим палаточным лагерем стала археологическая экспедиция из Харьковского университета. Василий тут же познакомился с руководителем группы Ревазом Константиновичем Мачавариани, старшим преподавателем кафедры археологии, кандидатом наук. Вместе с ним приехали студенты исторического факультета, среди которых были и симпатичные девчонки... Тут Василий совсем не к месту вспомнил жену Марину, ее тяжелую, но такую родную и теплую руку и вновь переключился на подготовку площадки под котлован.

Работа продвигалась, но мысли о соседях-археологах все равно не оставляли. Как выяснилось, Мачавариани и его подопечные не первый год приезжали в Великоанадоль на раскопки скифских курганов. До этого Василий и не знал, что скифы – древний степной народ, отличавшийся своей воинственностью, около двух тысяч лет назад заселяли именно эти земли. С тех пор в степи возвышаются курганы с погребениями и святилищами, а на них – так называемые скифские бабы. Эти вытесанные из камня изваяния размером в человеческий рост скифы ставили лицом строго на восток.

Василий и ребята из его бригады видели одну из таких каменных баб, когда ходили на прогулку в сторону заповедника, и даже фотографировались на ее фоне. Да и что греха таить, эти бабы частенько служили объектами для разного рода скабрёзных шуток и намеков. Как-то ради хохмы они даже хотели перетащить такую бабу в домик Витьки Стороженко – классного экскаваторщика и единственного неженатого члена их бригады, чтобы тот никогда не испытывал недостатка в женском внимании. Но, слава богу, одумались и ограничились лишь тем, что к каменной бабе как бы для знакомства и на смотрины привели самого Витька.

Свои святилища, объяснил Реваз Константинович, скифы всегда устраивали на возвышенных местах. Выстилали камнем площадку – место для жертвоприношений. Статуям, как богам, приносили дары и жертвы, и эти каменные истуканы как бы принимали участие в празднествах. Богов «кормили», смазывая им губы кровью пленных или жертвенных животных.

Сами курганы были местом погребения скифских вождей и воинов. Вместе с умершими обычно клали оружие и золотые украшения, поэтому грабители часто раскапывали захоронения. Но и раскопанные, курганы до сих пор привлекательны для археологов, потому что могут преподнести немало сюрпризов. Ведь раньше поиски велись хаотично, вслепую. А сейчас на смену грабительским раскопкам приходит систематическое исследование древних памятников с помощью современных технических средств. И это позволит сохранить бесценные исторические реликвии для будущих поколений. Соккрытие же найденных предметов, предупредил ученый, строго карается по закону, и, если на курганах появляются посторонние личности, занимающиеся раскопками, надо тут же сообщать в милицию.

Ну, в милицию не в милицию... Василий в этом месте благоразумно выдержал паузу. Лично у него с милицией свои счеты, давние и не совсем приятные, однако «черных копателей» он все же велел своим ребятам гнать немедленно, если таковые окажутся замеченными. Не будучи набожным, Василий крестил детей в церкви и осквернение могил считал большим святотатством. А с Ревазом Константиновичем они договорились, что в ближайший выходной придут к нему всей бригадой в гости и тот подробно расскажет об истории их края и его древних жителях.

Конечно, все ребята тут же согласились. Но, как понимал Василий, они пошли на это не столько из-за внезапно возникшей тяги к знаниям, сколько из-за возможности познакомиться с симпатичными девчонками из археологической экспедиции. А Витек даже соби-

рался нарвать огромный букет полевых цветов («ну и что с того, что они в Красной книге, – для такого случая можно») и для встречи приготовил новый спортивный костюм. Ребята шутили, дескать, теперь ему, наконец, представится реальный шанс сменить каменную бабу на живую и пылкую подругу.

Да, хлопцы в бригаде веселые, с ними не соскучишься. И все же, считал Василий, работать в ночную смену даже лучше. Ночью на Анадоль опускается прохлада, из ближайшего леса тянет свежестью, а со стороны луга – запахами подрастающей сочной травы. В перерывах между рычанием строительной техники из лесной чащи доносятся шорохи листвы и призывные залиvistые трели многочисленной соловьиной братии. Именно в эти короткие минуты передышки ему как раз и вспоминаются пионерские ночи, яркие неподвижные звезды, низко висящие над корпусами, деревянная скамья у тихой реки, всплески ночной рыбы в камыше и их с Таней тесно сплетенные пальцы.

Бульдозер шел тихо и плавно. За годы работы Василий научился управлять огромной машиной автоматически. Да и грунт на участке был в основном мягким и податливым, несмотря на то что почва в этой местности каменистая.

Внезапно нож бульдозера наткнулся на что-то твердое и заскрежетал. Машина резко накренилась на правый бок, будто попала в небольшую, но глубокую яму. «Ну вот и сглазил», – подумал Василий. Он протянул бульдозер чуть вперед, выехал из провала и, остановившись, осторожно вылез из кабины.

Перед началом работ его предупреждали, что на территории стройки могут обнаружиться снаряды, оставшиеся еще со времен Великой Отечественной войны. Взлететь на воздух через семьдесят лет после окончания сражений в планы Василия никак не входило. Хватит того, что оба его деда полегли за Родину: один – под Киевом в сорок первом, второй – на Висле уже в конце войны. В семье о них говорили нечасто, но, когда вспоминали, печалились и гордились. Военные награды дедов – многочисленные медали и ордена – бережно хранились в шкафу, в большой коробке, перевязанной георгиевской лентой. В День Победы их всякий раз торжественно выносили на показ всей семье, особенно подросткам. Чтобы помнили тех, благодаря кому родились и живут. Вообще, к той войне, как и к религии, Василий Криворучко относился трепетно и уважительно и детей старался воспитывать так же.

Василий отогнал мысли о войне и приблизился к краю провала, который под тяжелыми гусеницами экскаватора уже немного осыпался. Стационарные прожекторы освещали только внешний периметр стройки, а рядом с машиной было, что называется, хоть глаз выколи. Да еще и ночь, как назло, выдалась безлунная и темная. Василий вернулся в кабину и осторожно дал задний ход. Поставил бульдозер так, чтобы свет от фар падал прямо на провал, затем снова вылез и осмотрел яму.

Там, на глубине около полутора метров, в груде больших камней, белесо отсвечивали кости, напоминавшие остатки скелета. А в дальнем углу, как ему показалось, из земли торчало что-то вроде черепа. Были это останки человека или, может, животного, Василий определить не мог, да и не собирался. Здесь, в ночной степи, стоя у случайно образовавшегося провала, ему, взрослому мужику, который в драке мог выстоять против нескольких тупорылых амбалов, стало как-то не по себе. Он зябко поежился то ли от внезапно накатившего страха, то ли от ночной прохлады, а быть может, от холодного пота, струйкой стекавшего по его широкой мускулистой спине. Надо же, в конце концов, выяснить причину этого жуткого скрежета, принял решение Василий, вытер рукавом рубахи мокрый лоб и, переборов свой страх, спустился в яму.

Внизу видно было намного хуже. Среди развороченных ковшом камней он заметил овальный предмет, отдаленно напоминавший снаряд. Рассмотреть находку ему не удалось: фары бульдозера светили выше. Он щелкнул зажигалкой и, присмотревшись, понял, что это не снаряд и не мина. На дне ямы лежал средних размеров сосуд. Такие Василий видел в

музее, куда еще в школьные годы их водил на экскурсию учитель истории. Не зря он тогда пошел в музей, а ведь собирался прогулять – так, будто это было вчера, вспомнил бригадир.

Он поднял древнюю амфору. Сосуд был запечатан каким-то материалом, похожим на глину или сургуч. «Килограмма три, а то и больше», – подумал Василий. Он осторожно встряхнул амфору. Тихо... Но в ней явно что-то было! Вдруг вино? Эта мысль первой пришла ему в голову. Где-то Василий слышал, что от долгого хранения вино превращается в желе, которое можно резать ножом. Вот бы попробовать! Да и ребят из бригады угостить. А вдруг вино отравленное? Тьфу, лезет же всякая чушь в голову! Завтра он, конечно же, отнесет эту находку соседям-археологам. Пусть Реваз Константинович сам разбирается, что к чему, ему наверняка не впервой видеть такие штуки.

«Хорошо, что не снаряд и не мина, – снова с облегчением подумал Василий, – а то пришлось бы вызывать подрывников, и те бы, конечно, стройку застопорили, после чего его бригада осталась бы на бобах. А так... Подумаешь, какой-то старый горшок, неизвестно сколько пролежавший в земле, – вот и все его достоинство. Ну а с археолога, когда заполучит эту вещь, причитаются. Может, даже на поляну потянет!»

От этих мыслей Василия отвлек хруст под ногами. Присветив себе зажигалкой, бригадир замер: он стоял на костях, среди которых были заметны бронзовые наконечники стрел и какие-то мелкие бусинки. Но не это заставило Василия буквально оцепенеть. Из темного угла пустыми провалами глазниц на него смотрел череп древнего скифа. Да-да, именно смотрел! Василий не мог отвести взгляд от этих «глаз»... Зажигалка в его руках задрожала, и без того слабенький огонек, затрепетав, погас окончательно. Василий почувствовал, как все его тело покрылось липким потом.

Бросив поднятый было сосуд, он попятился к стенке и одним махом выскочил из почти полуметровой ямы. Ноги сами понесли его прочь и от провала, и от бульдозера, и от стройплощадки. Только добежав до палаточного городка, где жили харьковские археологи, Василий остановился и перевел дух. Он не мог понять, что могло так напугать его, взрослого, сильного и неглупого, в общем-то, мужика. Какие-то древние кости? Какой-то череп? Как бы отгоняя дурацкие мысли, Василий тряхнул головой и взялся за полог палатки, в которой жил Реваз Константинович.

Глава 2

Приглашение на двух персон

27 июня 2013 года

Последние лет двадцать Иван Сергеевич Черепанов стабильно не любил юбилеи, презентации и прочие официальные торжества. Коммуникабельный и веселый, на подобных мероприятиях он практически всегда ощущал некую наигранность и искусственность обстановки. Ему давно надоели повторяющиеся из года в год унылые поздравительные речи, сопровождаемые вручением помпезных подарков типа китайских напольных ваз или картин огромного размера, написанных местными художниками-пейзажистами. А от вздыбленных бронзовых лошадей весом в пару пудов, которых заменяли иногда ощерившимися в беспричинной злобе львами или ягуарами, ставшими модными в качестве подношений, вообще сводило челюсти. Но должность директора телекомпании «Зенит» и звание депутата городского совета обязывали бывать на таких празднествах. И оттого запятую в предложении «Нельзя отказаться посетить» ему часто приходилось ставить после слова «отказаться».

Вот и сейчас Черепанов почти с ненавистью смотрел на большой, красочно оформленный конверт, который передала ему утром с остальной почтой бессменный секретарь Анечка. Девушка толковая и расторопная, она перманентно находилась в поиске настоящего мужчины, который бы мог составить ее семейное счастье, что, впрочем, не мешало ей выполнять свои профессиональные обязанности исправно и с удовольствием.

С прогнозируемым предчувствием, основанным на многолетнем опыте, Иван вскрыл конверт. Оттуда не без труда высвободилась двойная открытка с написанным золотой вязью текстом: *«Уважаемый Иван Сергеевич! Приглашаю Вас и Вашу ____ на празднование моего 55-летия, которое состоится 6 июля в 18 ч. 30 мин. по адресу: ул. Бетховена, дом 4»*. Ниже стояла подпись: «С. С. Беляков».

Открытка была стандартная, с одинаковым текстом для всех. Иван улыбнулся прочерку в приглашении. На такие мероприятия гостей обычно зовут с супругами, но, поскольку Черепанов официальные супружеские отношения с Ольгой до сих пор не оформил (с единственной женой Марией он был в разводе), в приглашениях этот момент либо тактично обходили, либо ставили прочерк, как, кстати, и поступила пиар-служба С. С. Белякова. А ведь могли бы написать просто: «Приглашение для двух персон».

Иван открыл ежедневник. На субботу, 6 июля, у него была запланирована совсем другая программа – поездка с Ольгой и Лешкой в «Дубки». Так назывался пансионат в лесу под Луганью, недалеко от речки. И что, подумал Иван, всю эту прелесть променять на скучный вечер в особняке Степан Степаныча? Впустую тратить время на созерцание его молодящейся экзальтированной супруги и других подобных ей самовлюбленных дам и их полуолигархических мужей с напыщенными, раздувшимися от осознания собственного величия физиономиями? Брр, нет!

Для проведения юбилея наверняка будет приглашен какой-нибудь «отставной» актер. Хотя в провинциальных кругах на сию роль по-прежнему претендовал модный кавээнщик со своей неизменно веселой братией и старыми шутками, граница которых традиционно проходила где-то в районе брючного пояса. Вдобавок несколько поп-исполнителей, рангом и репертуаром находящихся между Веркой Сердючкой и группой «Лесоповал». Уж столько раз Иван все это видел, хоть сериал снимай. Нет, увольте!

Впрочем, к самому Белякову он испытывал определенное уважение, можно даже сказать, был ему обязан. Несколько раз Степан Степаныч помог телекомпании кредитами под

символические проценты. А однажды, когда они прозевали контрольные сроки подачи документов в киевскую комиссию по распределению частот, «порешал» наверху вопрос о продлении лицензии на вещание. Ну и как человек Беляков тоже имел достоинства. В молодости он увлекался спортом, что Черепанову, как ярому приверженцу бодрого образа жизни, очень импонировало. Несмотря на свою постоянную занятость, Степан Степаныч любил покатать шары на бильярдном столе и, надо сказать, делал это довольно искусно. Как-то Ивану, который и сам считался неплохим игроком, довелось сыграть с ним пару партий, и тот не дал ему ни единого шанса на выигрыш.

Злые языки утверждали, что свой первый капитал Беляков заработал еще в советских бильярдных, профессионально катая шары и обыгрывая не последних в стране игроков. Ставки в такой игре могли доходить до десятков тысяч рублей – немалые по тем временам средства. А уж в пору перестройки, когда азартные игры на деньги практически вышли из-под юрисдикции уголовного кодекса, он развернулся вовсю. Первые казино в районе были открыты Беляковым. В кулуарах поговаривали, что он до сих пор «крышует» игровой бизнес.

Основной же капитал Беляков сделал на оптовой торговле, а бизнес по производству продуктов питания дал ему возможность официально являться владельцем компании «Восток», состоящей из нескольких предприятий, и, кроме того, стать депутатом областного совета в трех его созывах. По приблизительным оценкам, капитал Белякова составлял около 400 миллионов долларов, и он считался одним из богатейших и влиятельнейших людей региона.

В городе этого человека любили за то, что он материально поддерживал местную футбольную команду, хотя ее владельцем не был. Он также щедро жертвовал деньги на благотворительность: покупал оборудование для больниц и благоустраивал детские дома. Еще одним увлечением Степана Степаныча стало коллекционирование антиквариата, которым он увлекся уже в более зрелые годы, видимо, тогда, когда появились большие деньги.

Все это Черепанов припомнил, собираясь позвонить Белякову, чтобы под каким-нибудь благовидным предлогом вежливо отказаться от приглашения. Как это сделать, он пока не придумал, но был уверен, что от его отсутствия ни юбиляр, ни его гости совсем не пострадают.

И тут в голову неожиданно пришла спасительная мысль о командировке в Западную Украину, где намечался форум руководителей кабельного телевидения, на который он действительно собирался либо поехать сам, либо послать своего заместителя. Правда, мероприятие, как было отмечено в ежедневнике, планировалось на 10 июля. Значит, возникал вопрос...

Черепанов набрал секретаря:

– Аня, уточните, когда в Тернополе конференция «по кабельному»?

– Минутку, – отозвался голос в трубке, и тотчас зашелестели страницы. – Ага, вчера пришло подтверждение: 11 июля в девять ноль-ноль в конференц-зале гостиницы «Галичина» начнется регистрация. Подтвердить участие и заказать билеты? На чье имя бронировать?

– Согласие давай, а кто поедет, скажу завтра. Молодец, благодарю за службу, – дежурно пошутил Иван.

– Служу телекомпании «Зенит»! – привычно откликнулась секретарь и отключилась.

Значит, почти на целую неделю позже, подытожил Иван. Да какая разница, днем позже, днем раньше – кто об этом узнает?

Он уже собирался набрать номер Степан Степаныча, как на столе, вибрируя, заплесал мобильник. Вот черт, только настроился на важный разговор! Черепанов хотел было сбросить вызов, но, взглянув на экран, от неожиданности замер. Вот и не верь в телепатию и

прочий полтергейст! Во весь экран нового смартфона крупными печатными буквами высветилось: вас вызывает Степан Степанович Беляков. Ивану даже показалось, что тот каким-то невероятным образом прочитал его мысли. Он оторопело оглядел свой кабинет: а не спрятано ли где-нибудь тайное устройство по передаче мыслей на расстояние? И, улыбнувшись своим фантазиям, нажал кнопку «ответ».

– Добрый день, Степан Степанович! – бодро отозвался Иван, уже готовый к «отмазке». – Хочу поблагодарить вас за приглашение на юбилей. Кстати, только что его получил, но...

Он не договорил – в телефоне зазвучал низкий голос Белякова.

– Привет, привет, Иван Сергеевич! Собственно, по этому поводу я тебе и звоню. Вообще, ты как там, нормально? – и, не дожидаясь ответа, почти без паузы продолжил: – Знаю, регулярно смотрю твои новости и разные расследования по криминалу и коррупции. Всех подряд кроешь. И это правильно. Какая бы власть ни была, наша или не наша, надо заставлять ее работать, а то совсем зарастет жиром. Да, что-то не видел тебя на последней сессии. Надеюсь, не захворал? К слову, моей жене очень нравится ваша передача про... Кажется, что-то о салонах красоты и редких цветах.

– У нас такая работа, – пояснил Черепанов и еще раз попытался объяснить по поводу своего отказа от участия в юбилее.

Но Беляков снова перебил его:

– Так вот, я по поводу своего так называемого совершеннолетия. Ты, конечно, будешь – это понятно. Но тут такое дело... Скажу по секрету: мои пиарщики понаприглашали каких-то дорогих артистов, музыкантов и даже циркачей. Всем этим заправляет моя супруга. Так вот, ей захотелось всю эту юбилейную мишуру запечатлеть на видео, смонтировать фильм и послать его детям в Штаты, чтобы посмотрели, как у нас гуляют. А то они, бедные, не в курсе! Но лучше твоих ребят никто не сделает. К тому же и жена, как я уже заметил, любит ваши передачи. Поэтому я тебя прошу: возьми с собой классного оператора, пусть снимет вечеринку, а твои орлы потом смонтируют. Вот это и будет твоим подарком. Так что не парься по этому поводу. А твоим ребятам я обязательно заплачу, сколько скажут – столько и будет. Ну что, договорились?

– Обижаете, Степан Степаныч!

Черепанов понял, что в этом случае никакие «отмазки» не пройдут, даже начинать разговор не стоит. Значит, поездку в «Дубки» ему все-таки придется отложить.

– Для вас мы сделаем за свой счет, тем более такая веселая дата. А вот годом раньше, безусловно, взяли бы по полной программе, – добавил он усмехаясь.

– В таком случае, решили, – отозвался Беляков. – Да, скажу охране, что от тебя будет человек с камерой, а то еще шуганут парня. В общем, не опаздывай, жду!

Мобильник замолчал.

Иван немного посидел в неподвижности, переваривая состоявшийся разговор. Что ж, теперь нужно готовить новую версию отказа – для Ольги. Это в который уже раз? А может, взять ее с собой на юбилей? Хотя вряд ли ей будет интересно среди дам определенного сорта и возраста. Ольга была моложе Черепанова на тринадцать лет, работала врачом-терапевтом, или, как сейчас принято говорить, семейным доктором, в районной клинике, где они и познакомились несколько лет назад. Нет, не стоит, решил Иван. Ольга будет чувствовать себя не в своей тарелке, а нервничать из-за этого будет он.

Ладно, завтра придумаю что-нибудь, а пока нужно предупредить кого-нибудь из операторов, чтобы в субботу готовился ехать на день рождения Белякова.

Он еще раз набрал Аню:

– Узнай, пожалуйста, у Заборского, кто из его группы свободен шестого июля? И пусть предупредит, что предстоит работать всю ночь в условиях, приближенных к боевым, то есть

снимать юбилейные торжества одного славного человека. Скажи Виталию, чтоб подобрал малопьющего, если, конечно, у него такой имеется.

– Будет исполнено, – отчеканила Аня. – Как только Заборский вернется с репортажа, тотчас же его озадачу и немедленно сообщу вам, хорошо?

– Лады.

В своем ежедневнике Черепанов обвел шестое число черным маркером как потерянное для нормальной жизни время и там же записал: «Купить подарок и цветы, подготовить поздравление». И снова перечитал открытку.

Вот и определилось второе лицо, с которым пойду на юбилей, усмехнувшись, подумал он. Не девушка и не женщина, а молодой мужчина с острым операторским взглядом и достаточным опытом в своем деле. Хоть в гей-клуб записывайся с такими спутниками!

Иван с ненавистью смял пригласительный конверт и, словно баскетбольный мяч, бросил его в корзину для мусора. Однако и тут не повезло – промазал.

Глава 3

Знак свыше

134 – 63 до н. э.

Смуглая черноволосая рабыня со связанными за спиной руками брела босая по улице, доживая последние минуты своей жизни. Толстая веревка больно стягивала запястья, но какое значение это имело сейчас?.. Два воина, сопровождавшие ее к месту казни, двигались следом размеренным шагом, держась за рукояти своих мечей. Их лица радости не выражали. Казнить приговоренных – не самое почетное занятие, но это тоже работа.

На площади, где обычно происходили казни, было немногочленно, и появление приговоренной к смерти вызвало среди случайных прохожих оживление. Такое зрелище всегда собирало немало зевак, но эта казнь была назначена столь скоропостижно, что кровожадные зрители о ней просто не узнали.

Повелитель Понтийского царства Митридат V Эвергет наблюдал за происходящим с балкона своего дворца, возвышавшегося над городом. Его взгляд был каменным, глубокие морщины, прорезавшие лоб еще не старого царя, подчеркивали недоброе выражение лица. Боги дали плохой знак, и теперь ему предстояло понять, к чему следует готовиться.

Утром над городом прошла необычайная гроза. Гулкие раскаты предупредили жителей о надвигающемся ненастье, и те успели найти укрытие. От молний загорелось несколько домов, однако последующий ливень потушил пожар. И царь благодарил высшие силы, пославшие воду с небес. Но одна молния ударила во внутренний двор резиденции. Оглушающий треск заставил охрану отвлечься от ворот, чтобы посмотреть, не принес ли с собой огонь гнев богов, и ужас переполнил солдат: в углу, под оливковым деревом, там, где обычно стояла колыбель царевича, полыхало пламя. Бросив щиты, воины, кинулись спасать ребенка. И – о, чудо! – не успели они добежать до колыбели – огонь исчез так же внезапно, как и появился. Ткани, которыми был обернут младенец, изрядно обгорели, но сам он не пострадал. Мальчик мирно спал, будто ничего не случилось.

Весть о чудесном спасении царевича тут же была доложена повелителю начальником стражи.

Воин преклонил колено перед хозяином:

– О, великий из великих! Смею доложить, что боги прислали испытание: небесный огонь ударил в колыбель твоего первенца.

Стражник промолвил это и в знак готовности принять наказание покорно склонил голову. Он хорошо знал, что может ожидать гонца с плохими вестями.

Вопросительно глядя на своего воина, Эвергет молчал, и тот, почувствовав милость царя, продолжил:

– Я не могу объяснить произошедшее, повелитель. Наследник жив и здоров. Это волшебное спасение, мой царь, это знак свыше.

– Не пристало тебе, мой преданный Клеарх, делать выводы о воле богов.

Эвергет поднялся и, запахнув одежды, проследовал к окну.

Там, над линией горизонта, где сливались воедино две синевы, морская и небесная, уже более тридцати дней висела комета. Ее белый изогнутый хвост убегал от солнца, но светило не торопилось его догонять – оно знало всю мощь своей силы. Как только после рождения наследника комета появилась на небе, многие мудрецы, не выдавшие на своем веку такого, доложили царю: это знамение.

Не шевелясь, в ожидании своей участи Клеарх стоял посреди зала, преклонив колено.

– Поднимись, Клеарх, в случившемся твоей вины нет, – произнес Эвергет, не отводя взгляда от неба. – Ты думаешь, боги отвернулись от Понта?

– Я не провидец, мой повелитель, я воин. И все, что я знаю: с простыми людьми такого не происходит. Царевич выжил, как Дионис. И небесный хвост – неспроста это.

Понтийский царь, по-прежнему не оборачиваясь, стоял у окна.

– Где была кормилица во время грозы? – его голос звучал тихо, но от этого угрозы в нем не убавилось.

– Не могу знать, мой повелитель! – Клеарх опять рухнул на одно колено и преклонил голову.

– Казнить! Немедленно!

– Повелитель желает выбрать способ? Должна ли она пройти через очищающие муки, чтобы познать силу гнева повелителя? – об этом Клеарх спрашивал всякий раз, когда стоял выбор, залить ли в глотку виновного раскаленный металл, заколоть его мечом или же отдать на растерзание львам.

Решение царя зависело от степени вины приговоренного и необходимости произвести наказание в назидание возможным преступникам. Для публичных экзекуций с последующими казнями избирались самые изощренные способы, от которых жертва умирала долго, мучительно и зрелищно.

– Конечно, потеря наследника сравнима с изменой, но он... он ведь остался жив! Потому... пусть не страдает. Для справедливого суда используй меч.

– Мой господин, твоя воля будет исполнена немедленно.

Отдав необходимые почести, Клеарх решительно двинулся к выходу.

Через некоторое время в зал вошла молодая женщина в красной, обрамленной орнаментом тунике. Под легкой тканью угадывалась стройная фигура. На груди складки ткани аккуратно обходили идеальные формы, а золотой пояс – знак принадлежности к царскому роду – подчеркивал тонкую талию. Красивых женщин в Понтийском царстве было немало – смешение южных кровей давало дивный результат, но царица Лаодика VI выделялась и в этом ряду.

Ей с детства прививали чувство собственного достоинства. Она, блестяще образованная наследница греческих и македонских династий, умела быть не только хорошей женой, но и уверенной в своих силах царицей. Свои обязанности – от царского ложа до приемов посланцев – Лаодика выполняла так, будто от этого зависело все ее будущее. Подобная предусмотрительность имела основания. Скольких ее царственных родственников постигла печальная участь!

Теперь же Лаодика училась быть идеальной матерью.

Когда ей принесли сына, царица первым делом удостоверилась, что он цел. Малыш, очень недовольный повышенным к себе вниманием, схватил материнскую грудь и улыбнулся так, как это умеют делать только маленькие дети – без тени лицемерия.

– О твоем спасении знают теперь все. Твой отец восхваляет богов. Наверное, будешь долго жить, царевич, – с этими словами Лаодика отняла сына от груди и передала рабыне. – Не своди с него глаз, иначе тебя постигнет такое же наказание, – предупредила она.

С ребенком на руках служанка почтительно поклонилась и бесшумно удалилась.

Через зал, украшенный помпезными фресками и тканями, Лаодика проследовала на балкон к Митридату, который наблюдал за происходившей казнью.

Чтобы обозначить свое присутствие, царица заблаговременно обратилась к супругу:

– Я слышала, мой повелитель, ты сжалился над служанкой?

– В этом дворце вести разносятся чересчур быстро. Если такая смерть – снисхождение, то – да.

– Нет более справедливого и благородного человека, чем ты, мой Эвергет.

В это время с площади донесся гул толпы и глухой стук падающего тела. Рабыня не издала ни звука – ни до, ни после смерти.

Царь повернулся и, словно не заметив стоящую рядом жену, быстрым шагом направился вглубь зала к своему трону. Выполненный из золота трон стоял на обитом дорогой тканью постаменте, ступить на который никто не имел права, – это могло быть расценено как покушение на власть и стоять жизни.

Лаодика не относилась к числу тех, кому не дорога жизнь, а потому, приблизившись, стала перед троном на одно колено:

– Эвергет, в твоей душе я вижу смятение.

– Да, моя верная жена. Ты, как обычно, проникательна. Пришла меня утешить?

Теперь царь смотрел на нее так, как смотрит мужчина на страстно любимую и желанную женщину.

– Скажи мне, что тебя тревожит, мой повелитель?

Царь провел рукой по черным волосам Лаодики.

– Каким бы ни являлось настоящее время, оно никогда не откроет тайну нашего будущего. Только предупредит избранных. Слишком много знаков послано нам богами... – многозначительно изрек Эвергет и в задумчивости подошел к окну. – Да, Лаодика, я в смятении. Вопросать жрецов было бы серьезной ошибкой. Любой из старцев может истолковать эти знаки так, как ему того захочется, чтобы повлиять на ход событий. Но правитель пока я, и творить историю только мое право. Да и нужно мне не толкование, а скорее само провидение.

– Осмелюсь сказать тебе, Эвергет, что есть способ развеять твои сомнения, которые касаются сына. В Элладе, в Дельфах, над крутой скалой, стоит храм, воздвигнутый в честь Аполлона. При храме есть оракул¹. Его так и называют: дельфийский оракул. С дарами для пифий² вели снарядить экспедицию, и, быть может, они до нас снизойдут.

– Снизойдут?! – глаза царя сверкнули гневом.

– Именно так, Эвергет. Пророчества их крайне редки, но всегда чисты и правдивы. Притом еще нужно будет понять, что они скажут и к какому придут выводу. Они всесильны, потому как знают будущее. Ты, мой повелитель, могуществен – это бесспорно. Но ведь ты сейчас говорил, что хочешь знать будущее. Пусть пифии выполняют свою работу!

– И в царстве никто не узнает о пророчестве?

– Думаю, да, мой повелитель...

¹ Прорицающее божество; место, где жрецы прорицали от имени божества; лицо, суждения которого признаются откровением, истиной.

² Жрицы-прорицательницы в храме Аполлона в Дельфах.

Глава 4

Ночное нападение

8 июля 2013 года

– К вам Заборский. Говорит, очень срочно, – сообщила Аня.

Надо отдать ей должное: даже самые тревожные сообщения она произносила без истерических интонаций, практически ровным голосом. Но этим, судя по количеству влюбленных взглядов сослуживцев, число ее достоинств не ограничивалось. Однако своих коллег в качестве потенциальных мужей Аня не рассматривала, а временно свободные от семейных уз местные олигархи и бизнесмены, в свою очередь, не видели в качестве потенциальной жены Аню. «Никуда не денешься – диалектика, – философствовал на этот счет Заборский, – единство и борьба противоположностей».

Услышав голос секретаря, Иван оторвался от большой обзорной статьи о кризисе в мировой экономике. Каждое рабочее утро он начинал с просмотра новостей и просил ему не мешать. Все знали, что шеф не любит утренних визитов, и обсуждение текущих проблем оставляли на вторую половину дня. Но, если Заборский нарушил негласный принцип, значит, произошло что-то из ряда вон выходящее. И Черепанов дал Ане команду впустить Виталия.

– Ну, что опять не так в нашем королевстве? – Иван пожал руку Виталию и указал на стул. – Новую видеокамеру ты получил на прошлой неделе и, по моим расчетам, еще не должен разбить, оттого я тебя и не ожидал раньше времени.

С Виталием Заборским Иван работал уже не первый год. Несмотря на разницу в возрасте, их связывали не только служебные, но и дружеские отношения. До прихода в телекомпанию «Зенит» Виталий возглавлял отдел расследований в газете. Он знал все о криминальной обстановке в городе. Коррупция во власти, распространение наркотиков, незаконный передел собственности – все эти темы входили в сферу его профессиональных интересов, и здесь он чувствовал себя как рыба в воде. Но после смены областного руководства главный редактор ввел в издании политику цензуры, перестал пропускать острые материалы о деятельности тех руководителей муниципальных структур, которые принадлежали к партиям, стоящим у власти. После очередного конфликта с главным Заборский ушел из газеты, и Черепанов пригласил его в свою телекомпанию.

Писать репортажи о мелких правонарушениях и дорожно-транспортных происшествиях Виталий поручал своим подчиненным, сам же занимался резонансными случаями, причем вел журналистские расследования, невзирая на ранг фигурантов. Он не боялся влезать в такие дела, которые даже правоохранные органы обходили десятой дорогой. И Черепанову не раз доводилось вытаскивать своего протеже из сложнейших ситуаций, для чего порой он прибегал к связям подполковника Василия Матвеевича Заборского – классного опера и в прошлом начальника городского управления милиции.

Виталий не пошел по стопам отца, хотя отучился несколько лет в Харьковской юридической академии. Почувствовав призвание к журналистике, он покинул альма-матер. Но полученная подготовка давала себя знать. В своих расследованиях Заборский-младший действовал как профессионал, имел собственные, одному ему известные «источники» и всегда тщательно проверял полученную информацию.

– Я только что из больницы, – начал Виталий, не приняв шуточного тона шефа. – Моего нового оператора Стаса Папазова, который был с вами на дне рождения у Белякова, той же ночью жестоко избили в подъезде собственного дома. Сейчас он в реанимации. Похоже,

бейсбольной битой ему проломили голову. Напавшие забрали деньги и телефон. Слава богу, хоть камеру оставили. Она лежала в кофре и не заинтересовала грабителей, что, в общем-то, понятно: ее так просто не продашь – аппаратура суперпрофессиональная, можно сразу засветиться. Стаса обнаружил на лестничной площадке сосед по подъезду, когда рано утром вышел погулять с собакой. Он же и вызвал «скорую». И если бы не этот сосед, для Стаса все могло бы закончиться гораздо хуже. А так... Врачи вовремя оказали помощь и позвонили родителям, а те, в свою очередь, мне.

– Понял. Что надо от нас? Позвонить главному врачу или...

– Нет. Я все уже сделал. Там нормальные ребята. Условия обеспечат и лечение проведут, как положено, ручаюсь!

– Хорошо, этот вопрос закрыли. Теперь по поводу нападения. Как думаешь, кто это был: случайные грабители, наркоманы или же твоего Стаса целенаправленно «пасли»?

– Пока неизвестно, но вряд ли «пасли». Скорее всего, на него наехали случайные грабители или хулиганы. Ну кто мог знать, когда он вернется домой? Хотя с другой стороны... Его же крепко избили, а могли ведь просто ударить по голове и ограбить, разве не так? – предположил Виталий. – Кстати, хотел уточнить: он пил водку на юбилее у Степаныча? В больнице сообщили: был трезвый.

– Да вроде бы не пил. Во всяком случае, я этого не заметил. Так ему и не до выпивки было. Мотался по дому с камерой, как Баба-яга с метлой. Особняк огромный, в два этажа, ступенек – море. Гости важные, и все норовят в кадр попасть, чтобы потом похвалиться: мол, с самим Беляковым на брудершафт пили. Стас сначала снимал торжественную часть, ну, здравицы, подношения, тосты и прочее. Затем был концерт, шоу-балет, фокусники. Потом, когда все хорошо выпили, началось веселье. Особенно выделялись дамы. Устроили на втором этаже что-то вроде показа мод – демонстрировали наряды и драгоценности. Как говорится, крутили друг перед дружкой «кормой». Кстати, Стас их много снимал. Да я тебе чип дам, сам все увидишь.

– Какой чип? Ни в кофре, ни в камере никакого чипа не было, – удивленно пожал плечами Заборский. – Вчера вечером я сам забрал ее из милиции. Кстати, опергруппа приехала на вызов сразу и никаких улик не обнаружила. Свидетелей пока тоже нет. Хорошо хоть пообещали открыть дело по факту нападения и грабежа. Капитан Сидорченко лично заверил, что будут искать виновников. Но мне кажется... Ну, как сказать... – Виталий замялся, подбирая слова. – У них есть дела и поважнее. Вряд ли они по этому случаю будут землю рыть: парень-то остался жив. Только я за последнее время подобных нападений что-то не припомню. Была в прошлом году история: ограбили поздним вечером на улице одинокую женщину – забрали сумочку с деньгами, телефон, сняли серьги. К сожалению, грабителей так не поймали, но нападения прекратились. А потому все списали на гастролеров, мол, это не местные бандиты, а залетные «работали».

Виталий немного помолчал, размышляя.

– Но вот со Стасом, – продолжил он, – почерк совсем другой, это явно не хулиганье. Так избить человека...

– Ну, что касается чипа, он, слава богу, у меня. Сам не знаю, почему забрал его у Стаса. Будто предчувствовал, что такое может случиться. Попробуй объясни потом Белякову и его гостям, что кина не будет, – успокоил Заборского Иван и вопросительно взглянул на Виталия: – А что, Папазов в последнее время занимался чем-то серьезным? Ты ведь сложные расследования никому не поручаешь. Или я чего-то не знаю?

– В том-то и дело, что он был от таких расследований в стороне. В основном снимал репортажи на злобу дня: о новых дорожных правилах, о загрязнении городского ставка... Да еще собирал материал о вандализме на еврейском и татарском кладбищах, в котором подзревались то ли сатанисты, то ли мелкое хулиганье. Я его даже к истории с проститутками

на Окружной не подключал. Решил, что Стас молодой еще, неопытный, пусть немного оботрется... – Виталий наморщил лоб и на минуту задумался. – Надо бы расспросить ребят из отдела, может, они что-то знают. Ну и не помешает заглянуть в компьютер Стаса, авось что-нибудь откопаем.

– Вот что я скажу тебе, Виталий, – подытожил Черепанов. – На милицию, конечно, надейся, но и сам, как говорится, не плошай, потому что результат действительно может оказаться нулевым. Давай-ка подключайся к этому делу со своими ребятами. Помоги нашим доблестным стражам порядка. Я тоже сомневаюсь, что это обычное ограбление: для такого случая жертву можно выбрать побогаче и послабее. А твой Стас ростом, наверное, под метр девяносто, не меньше, и на хрупкую барышню совсем не похож.

– Обижаете, Иван Сергеевич, мы уже включились в расследование. По всем направлениям, которые за последний месяц вел Стас, проверяем материалы. В завтрашнем выпуске об этом происшествии сообщим и попросим возможных свидетелей позвонить нам или в милицию. Ну и по старой дружбе я обещал информировать о наших успехах Сидорченко. У них мало людей, и на каждом сотруднике висит по десятку дел, поэтому ему даже выгодно, чтобы мы помогли. Тем более нападение на Папазова, как они считают, это рядовой грабеж.

– Ясно, – кивнул Иван, – действуйте. И держи меня в курсе дела.

Черепанов встал, потом снова сел – было видно, что он слегка нервничает.

– Завтра я передам тебе чип с отснятым на юбилей Белякова материалом. Поручи какому-нибудь толковому видеоинженеру смонтировать фильм. По времени – желательно на час-полтора, не больше. А Стас, дай бог, оклемается и посмотрит его, так сказать, свежим взглядом.

Черепанов почему-то чувствовал свою вину в том, что произошло с Папазовым. Если бы Стас не пошел на тот злосчастный юбилей, скорее всего, не было бы и ночного нападения. Да, впрочем, какая разница, откуда он возвращался? Ведь эти подонки могли специально поджидать его в подъезде, а если так, днем раньше или днем позже все равно бы подстергли и отколотили. Вот только за какие грехи? Неужели снова возвращаются «лихие девяностые», когда проблемы решались с помощью биты или пистолета Макарова? Да вроде бы не похоже...

Недавно Иван просматривал оперативные милицейские сводки. Они были оптимистичны, ничего общего с сообщениями из девяностых. И на сессии горсовета начальник ГУВД полковник Перебейнос уверял, что ситуация с преступностью в городе изменилась к лучшему. Что же касается нападения на журналистов, такие случаи зафиксированы только дважды, да и то в области. А в самой Лугани за последние три года их не было вовсе. Возможно, и это нападение никак не связано с журналистикой, и сотрудника нашей компании ограбили с целью наживы. Хотелось бы, подумал Иван, чтоб именно так и было, иначе подобные инциденты могут повториться.

И все же опыт и интуиция подсказывали обратное...

Глава 5

Убийство с неизвестным мотивом

11 июля 2013 года

Поздний звонок разорвал тишину квартиры Черепанова.

Телефон звонил настойчиво, дрожа от нетерпения и возмущаясь всем своим вибронутром. «Почти полночь», – бросив быстрый взгляд на часы, отметил Иван. В это время ему могли звонить только два человека: Ольга, когда они с Лешкой куда-нибудь уезжали, и Виталий Заборский, если случилось что-то непредвиденное.

К сожалению, экран телефона выбрал не Ольгу, а Заборского.

– Доброй ночи, – Черепанов намеренно начал разговор первым. – Случаем ты не забыл перевести часы на летнее время, как это сделали все нормальные и порядочные люди?

– Если бы я был нормальным человеком, вы бы уволили меня восемь лет назад, сразу после окончания испытательного срока. А если бы был еще и порядочным, вообще бы не взяли на работу, – парировал Заборский.

– И то верно, – согласился Иван. – Ладно, 1:1. Так что случилось? Слышу в трубке шум и посторонние голоса. Неужели звонишь из ночного клуба?

– Хотелось бы. Однако я нахожусь совсем в другом месте. Улица Бетховена, дом 4. Этот адрес вам о чем-либо говорит?

– Бетховена, 4? – переспросил Иван. – Но ведь это же особняк Беякова. Что, так затянулся юбилей? Надо же, а я куку в одиночестве.

– Зато здесь, наверное, уже вся милиция города. Час назад мне позвонил капитан Сидорченко и попросил, чтобы я немедленно приехал. Уж не знаю, чем он руководствовался – то ли нашей старой дружбой, то ли желанием подстраховаться... Короче, подал срочный сигнал.

– Какой еще «срочный сигнал»? Ты что, как в своих репортажах, специально тянешь с эффектной концовкой? Тоже мне Станиславский нашелся. Что произошло?

– Стоп! А разве я в самом начале не сказал? – с наигранным удивлением произнес Виталий. – Тогда извините. Видимо, желал подготовить вас к важному и нехарактерному для наших широт событию. Так вот, полтора часа назад на втором этаже собственного дома была обнаружена мертвой Полина Беякова, жена Степана Степановича Беякова. Не буду утверждать, но, говорят, что ее кто-то задушил. Вот такая новость.

От неожиданности Иван даже опешил.

– Погоди, погоди, а что с самим Степаном Степановичем, он хоть жив? – вдруг обеспокоился Черепанов.

– Ваш товарищ, как меня известили, дня два назад улетел в Лос-Анджелес. Вроде по делам бизнеса, а может быть, и к детям. У него там дочери живут.

– Понятно, и что же по поводу этого убийства говорят менты? Как я понял, ты там уже давно. Что-нибудь узнал?

– Кое-что, но это весьма предварительно. По свидетельству домработницы, которая, кстати, обнаружила труп Беяковой, пропали кое-какие вещи и драгоценности. Оказывается, был вскрыт сейф, где Беяков хранил некоторые свои раритеты, то есть всякие древние и дорогие вещицы, – он ведь страстный коллекционер. Да и у Полины... э-э-э... Георгиевны, думаю, было что взять. Уж стекляшек среди ее украшений точно не было. Но оценить масштаб ущерба сможет только сам Беяков, когда вернется домой. Поговаривают, что недавно

он приобрел очень редкую вещь, которой страшно гордился. Мол, таких в мире единицы, а у него есть.

– А как же охрана? Когда я был у Белякова, эти молодцы повсюду маячили.

– Верно. Но их задача – охранять Степан Степаныча, а не его жену. Хозяин улетел, охрана, естественно, расслабилась. А грабители, похоже, не ожидали, что Полина Георгиевна окажется дома. Накануне ее пригласили на премьеру спектакля. Она поехала в театр, и там ей неожиданно сделалось плохо, или же, не исключая, просто не понравилась постановка. Говорят, отбыла после первого акта. Вернулась домой, ну и застучала грабителей. И тем ничего не оставалось, как ее прикончить, то есть задушить. Такая пока версия.

– Да, ничего хорошего, – вздохнул в трубку Черепанов и, помедлив, продолжил: – Ладно, каковы твои дальнейшие планы?

– Скорее всего, вернусь на работу.

– Понял. Значит, с утра, после того как сдашь материал в эфир, поговорим об этом инциденте подробнее. М-да, – хмыкнул Черепанов, – что-то вокруг нашего олигарха и его юбилейных торжеств возникает слишком много негатива.

Утром, как и договаривались, они обсудили подробности произошедшей трагедии. Добавить что-то новое к сказанному по телефону Заборскому было нечего. Правда, ему удалось узнать от капитана Сидорченко, что обслуживающий персонал дома подтвердил: примерно месяц назад хозяин действительно приобрел для своей коллекции уникальный экспонат – древнее нагрудное украшение, или, как говорят специалисты, пектораль. Возможно, именно эта пектораль и привлекла внимание грабителей. Вместе с ней из дома были похищены и другие ценности.

Черепанов не считал себя экспертом в области антиквариата. Да и в ювелирных украшениях, мягко говоря, мало что понимал. По этой причине он набрал в поисковике слово «пектораль» и углубился в чтение.

Информация была изложена лаконично.

«Пектораль (от лат. *pectorale* – касающееся груди, относящееся к груди) – нагрудное украшение, могло быть частью защитной амуниции воина. Вероятно, происходит от боевого снаряжения, защищавшего верхнюю часть груди, горло и плечи. Ярким примером является знаменитая золотая скифская пектораль со скульптурными изображениями сцен борьбы животных и сюжетов из жизни скифов из кургана Толстая Могила (Днепропетровская область), найденная в 1971 году Б. Н. Мозолевским. Скифская пектораль хранится в киевском Музее исторических драгоценностей Украины».

Следующая публикация была более пространной и сопровождалась многочисленными фотографиями.

«Исследованный в 1971 г. украинским археологом Борисом Мозолевским курган Толстая Могила – богатейший из всех известных в настоящее время скифских царских курганов. Общий вес золотых изделий, обнаруженных в нем, составляет 4,5 кг, что намного превышает вес золота, найденного в кургане Куль-Оба (Крым), который ранее считался самым богатым. Без сомнения, главной находкой Бориса Мозолевого, принесшей Толстой Могиле и никопольской земле всемирную славу, стала обнаруженная в центральной могиле золотая пектораль – парадное нагрудное украшение скифского царя. Ныне это гениальное творение античного искусства хранится в Киеве, в Музее исторических драгоценностей Украины.

Вес пекторали 1148 г. Диаметр 30,6 см. Три полукруглых фриза, образующих пектораль, заполнены растительным орнаментом, многочисленными, литыми из золота изображениями людей и животных. В центре нижнего фриза расположены сцены терзания коней грифонами, по сторонам – лев и леопард, нападающие на оленя и дикого кабана, погоня собак за зайцами и, наконец, по два сидящих друг напротив друга кузнечика.

В верхнем ярусе помещены изображения сцен мирной жизни скифов. В центре – два обнаженных по пояс скифа, снявшие свои гориты с луками, шьют меховую рубаху.

Обращает на себя внимание одна деталь: их лица и прически настолько различны, что можно предполагать в них представителей разных этнических групп, принадлежащих к разным племенам. По обе стороны от них – мирно стоящие животные: жеребенок, сосущий кобылу, корова и теленок, овца, коза и козленок. Юный скиф, доящий овцу, и другой, сидящий. Одной рукой он держит амфору, в другой – что-то зажато. Возможно, он пытается заткнуть амфору со слитым в нее надоенным молоком. Картина завершается взлетающими птицами.

Каждая из миниатюрных скульптур пекторали является настоящим шедевром, а в целом она непревзойденное творение неизвестного мастера, жившего в одном из греческих городов-государств Северного Причерноморья или Крыма. Золотая пектораль из кургана Толстая Могила, скорее всего, была создана в начале или в середине IV века до н. э.».

Черепанов задумался... Вряд ли в коллекции Белякова была именно эта пектораль. Зачем ему приобретать вещь, украденную из такого солидного музея? Чтобы тайно владеть ею? Сомнительно. Да и к чему Степан Степанычу так рисковать? Но, самое главное, о краже пекторали нигде не сообщалось, а такой факт не утаишь. Так, может, это был дубликат, который обычно изготавливается для демонстрации в других музеях, так сказать, для подстраховки? Нет, Беляков не стал бы покупать для своей коллекции копию или подделку. Значит, какая-то другая пектораль? Откуда же она взялась?

Чем глубже Черепанов вникал в эту историю, тем больше появлялось вопросов.

Если все это из-за пекторали, рассуждал Иван, то без откровенного разговора со Степаном Степанычем капитану Сидорченко и его ребятам найти убийцу будет непросто. Но и замять дело не удастся – расследование на контроле у прокурора области. Все-таки в Лугани Беляков – фигура во всех отношениях заметная, и из группы Сидорченко выжмут все соки. Иван искренне сочувствовал капитану, понимая, что раскрыть такое преступление всегда очень сложно, практически невозможно.

Конечно, местные вряд ли осмелились бы ограбить Белякова, а тем более убить его супругу. Что ни говори, но в криминальном мире у него остались старые и прочные связи. И хотя официально Степаныч вроде бы отошел от дел, в определенных кругах по-прежнему пользовался авторитетом. Кличку Степа Белый – а в бурной молодости Белякова именно так и называли – многие в родных местах еще очень хорошо помнили. Значит, скорее всего, Белякова ограбили чужие, залетные. А как только унюхали, на кого нарвались, сразу залегли на дно и поминай как звали.

Но самое удивительное состояло в том, что в перечне пропавших ценностей, где были упомянуты даже несколько тысяч гривен, украденных вместе с сумочкой Полины Георгиевны, пектораль вообще не фигурировала. В связи с этим Заборский обратил внимание Ивана на протокол допроса домработницы Беляковых. Некая Виктория Михайловна Сливко, сорока пяти лет, сначала заявила, что видела у хозяйки массивное украшение из золота, но затем изменила свои показания, объяснив, что, мол, имела в виду большое жемчужное ожерелье.

Тем временем ребята из «монтажки» принесли диск с записью юбилейного вечера Белякова. Теперь этот фильм приобретал особое значение – это были последние съемки еще живой и энергичной Полины Георгиевны. Черепанов хотел предать диск Степану Степановичу вместе с соболезнованиями по поводу смерти жены. Ему казалось, что эти кадры будут дороги и Белякову, и его дочерям.

– Ну а сам ты этот фильм хоть видел? – поинтересовался Иван у Заборского.

– Честно сказать, не смотрел, – начал оправдываться тот. – И зачем? Наверняка все там в ажуре: и пафосно, и весело, и... чуть-чуть «со слезами на глазах». Что, наш лучший

спец Юрка Каминский первый раз монтирует юбилей? Во времена индивидуальной трудовой деятельности он столько этого добра настрогал, что даже страшно за человечество. Да за такие фильмы он бы давно «Оскара» получил, если бы, конечно, имелась подобная номинация. Тарантино с ним и рядом не стоял – это я заявляю авторитетно, как соучастник раннего творчества данного художника. Так душевно мог бы творить разве что Никита Михалков, и то лишь потому, что мы с ним выросли в одной стране, так сказать, близки на ментальном уровне.

– Тебя, мой юный друг, снова понесло. Остановись!

Черепанов не стал смотреть смонтированный фильм, полагаясь на мастерство своих подопечных, которые его еще ни разу не подводили. Он положил диск в ящик стола с намерением передать его Белякову в ближайшее время. А такой шанс, чувствовал Иван, ему скоро представится, судя по тому, как стремительно развиваются события.

Глава 6

Остерегайтесь скифов!

134—63 до н. э.

Паруса триеры наполнялись ветром. Величавая Гера, венчающая нос корабля, зорко оберегала судно от бурь и штормов. Однако море в эти дни не слишком свирепствовало, и корабль путешественников шел без труда, ведомый твердой рукой кормчего.

Царь Митридат V Эвергет повелел снарядить в Элладу экспедицию под началом Клеарха. О настоящей цели путешествия знал только он один. Остальные же воины и мореходы, составлявшие немногочисленный отряд, полагали, что приближенный к повелителю Клеарх направлен в эллинские земли с дипломатической миссией. Впрочем, это их мало волновало, поскольку вознаграждение, обещанное за быстрое выполнение задачи и возвращение в родные воды, было довольно большим, чтобы не задавать лишних вопросов.

На борту имелось достаточно провизии для столь дальнего перехода, не было нужды и в деньгах, чтобы заполнить трюмы дарами греческой земли и пресной водой, необходимыми на обратном пути.

Спустя некоторое время корабль понтийцев бросил якорь в живописной бухте. Отсюда лежал путь в Дельфы. До цели оставалось не более пятидесяти четырех стадиев³, однако весь путь предстояло проделать в гору. Там, на скалистом склоне Парнаса, уже много столетий стоял храм Аполлона. На этом месте, как гласило предание, он убил дракона Пифона, и в честь этого подвига было воздвигнуто красивейшее святилище, которое славилось не только своими богатствами и влиятельностью, но и прорицательницами-пифиями. Время шло своим чередом, менялись правители, начинались и заканчивались войны, а храм стоял. С годами богатств поубавилось, как и влияния жрецов, но пифии остались. Слава об их умении видеть будущее разносилась за все моря.

– Мое имя Клеарх! Я посланник Митридата Эвергета, повелителя понтийских земель, – прокричал Клеарх греческим воинам, прибывшим к судну чужеземцев, как только оно было замечено с берега. – Мы прибыли с миром, чтобы воздать дары Аполлону в его храме.

– Если у вас нет злого умысла, можете сойти на берег, – так же громко ответил ему эллин и дал знак своим воинам, чтобы опустили копьа.

Вскоре вооруженные мечами понтийцы выстроились на берегу. Из поклажи у них был только большой кофр, предусмотрительно снабженный поручнями. Его крышку опечатали, и лишь Клеарх знал, какие сокровища в нем сокрыты. Оттого, собираясь в плавание, он сам выбрал воинов в свой отряд – преданных, смелых, выносливых.

– В путь! Да поможет нам Аполлон!

Жестом руки Клеарх назначил первую четверку, которой предстояло нести кофр с дарами.

Весь путь они проделали в течение дня, пробираясь узкой тропой сквозь заросли оливковых деревьев и по очереди сменяя друг друга. Когда скалистые склоны оголились, а облака стали цепляться за макушки гор, показалась колоннада некогда величественного храма. Расположенный на узкой горизонтальной площадке, он словно разрезал гору полосой. Казалось, что с одной его стороны зияет пропасть – взгляд упирался в соседнюю скалу, с другой же – виднелся зеленый травяной ковер.

³ Греческий стадий равнялся приблизительно 178 метрам.

– Мы прибыли с дарами и миссией, которую я изложу только пифии, – уведомил Клеарх жреца, встретившего их у входа.

Старик, одетый в длинный белый хитон, пристально осмотрел гостей, их груз и властно промолвил:

– Оставайтесь здесь. Я узнаю, примет ли вас пифия.

– Я не могу уйти отсюда, не выполнив личного поручения Митридата Эвергета, моего повелителя.

– Эти ступени знали сандалии многих властителей, сильных и не очень. И все они смиренно стояли за правдой в очереди. Я все сказал. Ждите.

Жрец не спеша развернулся и, шаркая ногами, скрылся в храме.

Солнце исчезло за горой, стало гораздо холоднее, а старца все не было. Так прошла ночь, и только с восходом солнца он появился во воротах.

– Пифия знает, зачем вы пришли. Она примет вас. Но только вас одного. Дары занесите в храм.

По команде Клеарха воины подняли кофр, перенесли его в указанное место и тут же удалились.

– Следуй за мной, однако меч оставь здесь, – повелел священнослужитель, указав на небольшую дверь в стене.

Клеарх не раз представлял, как встретится с провидицей и что будет ей говорить. В его голове давно сложилась стройная речь, с которой он обратится к этой почтенной жрице, обладающей даром предвидения. Но когда старец привел его к пифии, Клеарх онемел: перед ним была красивая черноволосая девушка с необычайно светлой, почти мраморной кожей. Прорицательница восседала на чем-то вроде трона, подлокотники которого представляли собой злобные пасти дракона. Одним движением руки пифия заставила жреца удалиться и тут же поманила к себе Клеарха. Приблизившись к ней на несколько шагов, тот почтительно преклонил колено.

– О том, зачем ты появился здесь, можешь ничего не говорить. Это мне известно. Только скажи, воин, почему твой царь не задал ни одного вопроса о себе?

От неожиданности Клеарх растерялся. Она назвала его воином, но на нем был накинутый поверх хитона гиматий⁴, а свой меч по приказу жреца он оставил при входе. И уж, конечно, провидица никак не могла знать, с чем пришел к ней незванный гость. Однако...

Клеарх вспомнил Эвергета, который со склоненной, будто от тяжелых мыслей, головой ходил по залу вперед-назад.

– Только тебе я могу поручить это дело, Клеарх. Многие годы ты рядом со мной, никому не доверяю так, как тебе.

Начальник царской охраны набрал было воздуха, чтобы как положено поблагодарить повелителя за доверие, но тот его остановил:

– Молчи, сейчас я говорю с тобой как друг. От того, что ты мне привезешь из далекой Эллады, зависит судьба Понтийского царства, всех нас и наших детей. Когда попадешь к прорицательнице, задай ей только один вопрос: «Одарят ли боги своим покровительством моего наследника, а вместе с ним и весь наш народ?».

Пифия сверлила глазами Клеарха, словно желая прочесть его мысли.

– На один вопрос твой царь хочет знать сто ответов. Вижу: ты честен и предан, но ты простак. А твой повелитель умен и хитер. Значит, он хочет знать, какую судьбу уготовили боги его младенцу, спящему в царской колыбели в Синопе?

– О да, достопочтимая пифия! – Клеарх был потрясен настолько, что больше ничего не смог выговорить, да в этом и не было нужды.

⁴ Верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани.

– Приходи через четыре дня, воин. Ты получишь ответ. Какой – не знаю. Я долго думала, одарить ли тебя пророчеством, ибо не так давно ты убил человека, а преступникам сюда путь закрыт...

– Не одна жизнь закончилась на острие моего меча, но я не преступал законов. Таково мое ремесло. Я воин.

– Именно поэтому ты сейчас здесь. А теперь ступай.

За спиной Клеарха, словно из-под земли, вырос старец, готовый проводить гостя.

Прошло три дня, и, очистившись, пифия была готова к таинству прорицания.

Ее волосы, обычно аккуратно собранные на затылке, были распущены. Черноту волос и глаз подчеркивали алые одежды, расшитые золотом. Кроме двух жрецов, проследовавших за ней в адитон⁵, это зрелище наблюдали только боги. Лишь Аполлон мог оценить всю ее красоту и вознаградить озарением!

Пифия припала к источнику и испила из него, придерживая рукой лавровый венок. Пророфеты стояли в стороне, покорно ожидая, когда прорицательница начнет пророчествовать.

Жрица не торопилась. Движения ее были плавны и неспешны, как у большой птицы, глаза постепенно стекленели. Не глядя по сторонам, она прошла мимо лаврового дерева, сломав пахучую ветку. Тут же поднесла листок ко рту и стала медленно жевать. Спустя час провидица напоминала яростную колдунью. Восседающая на золотом треножнике, который был настолько высок, что рядом с ним любой человек казался ничтожеством, она вдыхала пары седого дыма, исходящего из расселины в скале. Грудь ее вздымалась, дыхание все больше учащалось.

По истечении некоторого времени дым сделал свое дело, и пифия окончательно вошла в транс. Куда девалась нежная красота молодой женщины?! Ее лицо было искажено гримасой то ли боли, то ли злости. Одной рукой она впилась в треножник, чтобы не потерять равновесия, другой – держала ветвь священного лавра. Поток слов полился из одурманенного сознания прорицательницы. Сначала они были неразборчивы, грубы и перемежались с рычанием и стонами, как будто ее устами говорил кто-то посторонний. Потом голос жрицы стал низким и резким, словно мужским.

Пророфеты приблизились. Они должны были запомнить слова, которые скажет предсказательница, пребывая в экстазе. Каждое слово, произнесенное сквозь стоны и крики овладевших ею потусторонних сил, похоже, имело огромное значение. И ничего, что порой они не несли определенного смысла. В следующие три дня, когда после изнуряющего обряда пифия приходила в себя, жрецы растолковали сказанное ею, и родилось пророчество: *«Царевич подчинит себе многие земли и в мощи своей превзойдет отца. Во всем мире не будет правителя, который бы не считался с ним. Но следует остерегаться скифов. Те, кто не может противостоять силой, будут противостоять ему хитростью. Спина всегда должна находиться под защитой».*

⁵ Святилище в храме Аполлона, недоступное для посторонних.

Глава 7

Адреналиновая полоса

18 июля 2013 года

После смерти Полины Беляковой прошла ровно неделя, но, по сведениям всезнающего Заборского, в поиске ее убийц следствие практически не продвинулось. Капитан Сидорченко встретился со своими осведомителями, однако никто из них о преступниках ничего не знал. Все сходились во мнении, что это дело рук залетных, свои бы на такое не пошли. Разве они сумасшедшие, чтобы поднимать руку на жену Степы Белого? И это было похоже на правду.

Белякову Иван дозвонился только с третьего раза.

– Слушаю вас, – прозвучало в трубке.

Голос Степана Степановича был более сиплым, чем обычно. Вряд ли его охриплость объяснялась тем, что за последние дни ему пришлось провести немало переговоров. Это могло означать только одно: Степаныч снова вернулся к тесному общению с алкоголем.

– Здорово, Иван! – прохрипел Беляков. – С утра собирался тебе позвонить, ты меня опередил. Знаю, что скажешь, но соболезнавания потом. Сейчас нет времени долго разговаривать. Давай поступим так. Подъезжай ко мне домой часикам к семи вечера, не раньше и не позже, такое возможно?

– Конечно, – отозвался несколько обескураженный таким поворотом разговора Иван. – Заодно привезу фильм о вашем юбилейном вечере. Он уже смонтирован.

– Все, договорились. Встретимся – обсудим наши дела подробнее.

В телефонной трубке послышались короткие гудки.

Ровно в семь Иван припарковал свою черную «тойоту» возле особняка Белякова. Как только он вышел из машины, охранник открыл калитку. Значит, в доме его уже ждали.

Степан Степанович сидел в ажурной беседке, увитой густым виноградом. На столе стояли легкие закуски, бутылки с минеральной водой и напитками покрепче – коньяком, виски, а также любимой хозяином русской водкой, которой он отдавал предпочтение еще со времен своей шальной молодости. Сам Беляков с длинной изящной сигаретой в руке буквально утопал в глубоком кресле. Судя по заполненной окурками массивной пепельнице, дымил он давно и активно.

Заметив Черепанова, хозяин поднялся ему навстречу и крепко пожал руку.

– Еще раз здравствуй, – произнес он и указал на стол: – Угощайся! Ты же с работы, и наверняка голодный.

– Спасибо, не откажусь.

Иван положил перед Степаном Степановичем диск с обещанным фильмом. Он немного помолчал, понимая, что в их разговоре первую скрипку будет играть Беляков.

– За соболезнавания спасибо, – подал голос хозяин. – По телевизору слышал. Наверное, и сейчас ты пришел с этим? Что ж, давай выпьем за помин души Полины, пусть ей будет земля пухом. Знаю, что ты за рулем, но я по чуть-чуть, всего по пять капель.

Беляков налил Ивану коньяка, себя же решил побаловать водкой.

– Не чокаясь, хорошо? И закуси плотнее, а я пока покурю, глядишь, разговор и заладится.

Черепанов выпил.

– Ты курить окончательно бросил или все же иногда балуешься? – Степан Степаныч протянул гостю пачку сигарет. – Я не искушаю. Просто с сигаретой, на мой взгляд, разговор получается душевнее.

– Пока воздержусь, а то бросаю уже в двадцать первый раз, – ответил Иван усмехаясь. – А дальше будет видно.

Беляков придвинулся ближе к столу:

– Ну так вот... Как ты, наверное, понял, я тебя пригласил не из-за фильма с моим участием. За него, конечно, спасибо, на досуге обязательно посмотрю, потом отошлю в Америку дочерям – все-таки память о матери. Вообще-то, Полина давно мечтала засветиться в телеке, спала и видела себя на экране. Наверное, в детстве метила в актрисы. Да и перед своими подругами постоянно старалась покрасоваться, демонстрировала им свою прелесть. Вот и доигралась...

Иван недоуменно поднял глаза.

В свою очередь, Степан Степанович вскинул руку:

– Вот что, Иван Сергеевич, давай не будем вокруг да около, а по-честному. Скажу правду: в связи с последними событиями мне нужна твоя помощь. Про мои минувшие дела ты немного знаешь – у тебя такая профессия, да и свою биографию я особо не скрывал. Что было, то было. Недавно и про тебя навел дополнительные справки, уж ты не обижайся, но по-иному нельзя. Хорошие отзывы о тебе, и жизнь, оказывается, непростая. Знаю и про Чернобыль, и про Кандагар, и про твою бывшую семью. Выяснил, что ты умеешь находить то, чего не могут найти другие. Благодаря собственной интуиции и толковым ребятам в твоём кругу. Даже менты с их нынешними возможностями, и те тебя нахваливают. А мне сейчас очень нужно найти одну вещь, и по некоторым причинам обратиться в милицию я не могу. Да и не особо я ментовским операм доверяю, сам знаешь, какая это порода, – усмехнулся Беляков. – Конечно, у меня есть ребята, которые тоже могут поискать, но ты же понимаешь, что это за хлопцы. Стукнуть кого-нибудь по башке всегда готовы, а вот пошевелить мозгами – тут они пас.

Черепанов несколько растерялся от неожиданного предложения:

– Ну, естественно, помочь могу, но ведь я в сыске не профессионал. Моя партия – журналистские расследования: отыскать факты, проанализировать и довести до сведения общественности. Кстати, мой помощник Виталий Заборский тоже небольшой дока в следственном деле, хотя нюх опера у него есть. Но, я думаю, этого все же недостаточно, чтобы вести серьезное расследование. Нужны усилия большой конторы.

– Следствием пусть занимаются люди Перебейноса – это их дело. Между прочим, они растрезвонили на весь город, что найдут убийц Полины, только результата пока нет. Но и ты, как сам верно заметил, имеешь право заниматься расследованием, а как оно называется – журналистское или еще какое, все равно. Главное – результат. Для успеха дела добавлю: в финансовом плане можете себя не ограничивать, сколько потратите, столько и вернется в твою компанию. Плюс гонорар, притом, подчеркну, немалый, да еще и в иностранной валюте. Аванс, само собой, выдам сразу, идет?

От Белякова не ускользнуло, что при этих словах Черепанов слегка поморщился.

– Знаю, знаю, в деньгах ты особо не нуждаешься. Но... Я тебя по нашей прежней дружбе прошу. С другой стороны, ты ведь тоже не святым духом питаешься. Так или нет? Да и твоё предприятие должно быть на плаву, платить налоги и тэ дэ и тэ пэ, а коль так, его необходимо как следует подпитывать. Само собой, люди работают, им нужно выплачивать зарплату. Да еще с премией, не так ли? Словом, что ни говори, а жизнь состоит из проблем. Поэтому твоей телекомпании, вне зависимости от результатов расследования, благотворительный взнос на покупку нового оборудования гарантирую. Видеокамеры, пульта, ПТС, шмэтээс... сам решишь, что необходимо, и предоставишь мне список, а я оплачу, договорились?

– Ну хорошо, – не стал спорить Черепанов, согласившись, что денежное вливание в родную телекомпанию никогда не бывает лишним.

– Вот и славно. Значит, выпьем еще по чуть-чуть за нашу договоренность. Как считаешь, я коней не слишком гоню? – Беляков налил в рюмки по прежней схеме. – Не бойсь, если что, мои ребята сядут за руль твоей тачки и доставят тебя в пункт конечного назначения.

Они снова выпили, и Степан Степанович с наслаждением закурил очередную сигарету.

Пока он пускал дым кольцами, Иван решил перейти к делу:

– Как я понял, придется искать не только тех, кто убил Полину Георгиевну?

Пустив очередное кольцо, Беляков тяжело вздохнул.

– Придется искать и кое-что другое, хотя это взаимосвязано, – произнес он с еле заметным раздражением и на мгновение задумался. – Ладно, открою тебе историю моей последней покупки, но в дальнейшем прошу без особой надобности ее не оглашать. Только самым доверенным лицам.

– А милиции известна эта ваша история?

– Ментам как раз и не нужно об этом знать. Что посчитал важным для раскрытия убийства моей жены, я рассказал капитану, который ведет дело. Материала у него достаточно, – Беляков замолчал, глубоко затянулся и продолжил: – Ты получишь информацию о подлинной причине преступления.

– Насколько я знаю, причина гибели Полины Георгиевны – это ее драгоценности, которые убийцы унесли с собой. Я видел протокол. Или ошибаюсь?

– И да, и нет. У Полины действительно были дорогостоящие кольца с бриллиантами, но кто станет убивать человека из-за каких-то двадцати-тридцати тысяч «зелени»?

– Степан Степанович, – не слишком вежливо перебил его Черепанов, – простите, но вы очень далеки от современной жизни простого народа. Скажу вам откровенно: сегодня человека могут убить и за пятьдесят гривен. А вы называете суммы, которые для многих составляют целое состояние!

– Скорее всего, ты прав. Только я знаю, что говорю. Эти упыри искали нечто более ценное. А разные побрякушки – так, для отвода глаз. Но, в конце концов, не оставлять же их, раз сами пришли в руки, верно?

– Но, если преступники пошли на убийство не из-за этих, как вы выразились, побрякушек, почему в протоколе не упоминается ни о каких других пропавших ценностях?

– Верно, сигнал отсутствует. Так захотел я. На самом деле исчезла одна драгоценная вещь, притом очень редкая, уж поверь мне, старому коллекционеру.

– И почему же вы ее не назвали?

– Оттого, что приобрел, так сказать, неофициально, в обход существующих законов. Чтобы тебе было совсем понятно, я не имел права покупать такую вещь. Она является собственностью государства.

Беляков снова разлил в рюмки спиртное. Они молча выпили.

– Но разве настоящий коллекционер может удержаться, если ему выпадает такой редкий шанс? Шанс, который бывает раз в жизни! Конечно же, нет! Вот и я не удержался, хотя знал, что это даром не пройдет. К тому же всем коллекционерам известно, что на таких вот реликвиях всегда лежит некая печать проклятия. Печать смерти, если угодно. Похоже, что эти байки – не пустой звук...

– Ну и причем тут проклятия? Полину Георгиевну задушили обыкновенные уголовники, которые за деньги готовы убить любого. Да и дома ваша супруга оказалась случайно. Могла ведь и в театре остаться...

– Нет, это не случайность. Все равно бы с ней что-то случилось, а если не с ней, так со мной. И все же я хочу найти и вернуть эту вещь. Надеюсь в этом на твою помощь. Ну а с остальным уж как-нибудь сам справлюсь.

– И что же это за редкая вещь, которую коллекционерам нельзя иметь, да еще такая, что несет на себе печать проклятия?

Беляков снова закурил, достал из кожаной папки, лежавшей на столике, фотографию и протянул ее Черепанову.

– Изучи, Иван Сергеевич. Золотая пектораль древних скифов – несбыточная мечта всех коллекционеров.

Иван взглянул на фото.

– Вы меня удивляете, Степан Степанович! Если мне не изменяет память, эта бесценная вещица находится в Киеве, в Музее исторических драгоценностей Украины, под стеклом и усиленной охраной. Неужели ее кто-то украл, а вы, ничего не подозревая, приобрели? Впрочем, возможно, это не оригинал, а копия?

Черепанов вопросительно смотрел на Белякова, наблюдая за его реакцией. Тот сначала потупился, а затем поднял глаза:

– Правильные вопросы задаешь, Иван Сергеевич. А ответ на них будет один: нет, нет и нет! Неужели я, коллекционер со стажем, не разобрался бы, где копия, а где оригинал? Верно, копии знаменитой скифской пекторали существуют, но какой уважающий себя собиратель станет приобретать что-то вторичное?! Да и подлинник по-прежнему находится на обозрении в музее. Все дело в том, что ты, дорогой мой товарищ и друг, ошибся. До сих пор считалось, что существует только одна золотая пектораль древних скифов – та, которую нашел в 1971 году в царском кургане Толстая Могила археолог Борис Мозолевский. Но на этой фотографии совершенно другая пектораль. Она тяжелее почти на полкилограмма. На ее фризах больше изображений, хотя они во многом схожи.

– То есть, получается, к вам в руки попала реликвия, о которой до сих пор никто не знал, так, что ли?

– Именно так! Думаю, эта пектораль датируется примерно IV веком до нашей эры, как и та, что из музея. Представляешь?! И создал ее мастер той же школы. По какой причине и с какой целью она была изготовлена, остается загадкой. Возможно, втайне от отца ее заказал какой-нибудь молодой наследник трона, стремясь превзойти своего родителя. Знакомая картина, не правда ли? – Беляков слегка усмехнулся. – Столько веков минуло, а ничего не изменилось.

– Интересно, какова же цена этой пекторали?

– Она бесценна. Теперь понимаешь, почему я не смог устоять?

– Несколько странно звучит, – заметил Иван, – с одной стороны, она бесценна, а с другой – вы ее приобрели. Значит, стоимость у нее все-таки есть?

– Конечно, есть. Цена есть всему. Эта вещь бесценна в общепринятом смысле: для культурного наследия, для искусства, для истории и так далее. Но, если говорить о приближительной аукционной стоимости, думаю, эта цифра будет иметь много нулей.

– Представляю. Теперь понятно, почему из-за нее разгорелись такие страсти...

– О том и веду речь, – не дал ему закончить Беляков. – Эти гады, убившие Полину, лезли в дом именно за пекторалью. Чей-то заказ выполняли. Возможно, моего конкурента, который тоже хотел ее приобрести, или какого-нибудь другого заядлого коллекционера, который неплохо разбирается в раритетах и узнал, что у меня есть редкая вещь, представляющая интерес не только в нашей стране, но и за рубежом.

– А как к вам вообще пектораль попала? Или этот вопрос останется закрытым? – поинтересовался Черепанов.

– Почему же закрытым? Ответ будет, и обстоятельный. Скорее всего, он и поможет тебе выйти на след пропавшей драгоценности.

Беляков чуть помедлил, потянулся к бутерброду, но, передумав, открыл новую пачку сигарет и с удовольствием закурил.

– Примерно месяц назад, – наконец заговорил он, – на моей страничке в Facebook кто-то под супероригинальным ником «Гость» оставил мне предложение купить у него одну уникальную старинную вещь...

– Минуточку! Одно маленькое уточнение, – уважительно перебил Степана Степановича Черепанов. – Скажите, в среде коллекционеров вы человек известный?

– Еще бы! – даже обиделся Беляков. – В нашем довольно узком кругу меня давно знают. Моя коллекция золотых и серебряных украшений выставлялась в разных музеях. Так вот, вначале я на его предложение не клюнул. Да мало ли чем увлекают нашего брата! Может, мошенник. Но потом все же отозвался, сообщил, что не прочь посмотреть товар. Чтобы ты отчетливо понимал специфику нашего дела, скажу: не все экспонаты наших коллекций приобретены на официальных аукционах или специальных рынках. Иногда приходится иметь дело с «черными археологами». Слышал о таких?

Черепанов согласно кивнул головой.

– «Черные археологи», или копатели, как их называют в народе, – продолжил Беляков, – это отдельные люди или организованные группы, которые занимаются поиском исторических артефактов, не имея официального разрешения на проведение археологических работ. Они существуют, пожалуй, еще со времен Тутанхамона и есть в любой стране. А у нас их сейчас как мух в сарае.

– Что, дипломированных археологов перестали интересовать раскопки?

– У государства на это банально нет денег. Институту археологи, насколько мне известно, за последние десятилетия на эти цели выделялись из бюджета копейки. Такие работы обычно производятся за счет строителей, когда осваиваются новые территории, или же наших иностранных соседей, если в экспедициях принимают участие поляки, болгары, немцы, ну и прочие камчадалы. Иногда помогают местные меценаты. И все. Остальное – нелегальные раскопки, в результате чего многие уникальные вещи уходят за границу. А мы, приобретая находки «черных археологов», все же оставляем их в нашей стране.

– Выходит, эти «черные археологи» создали процветающую индустрию? – не без удивления заметил Иван.

– Еще какую! Когда в Верховной Раде готовился закон об охране археологического наследия, один мой коллега, довольно известный коллекционер, направил в профильный комитет письмо с предложением внести в законопроект раздел о частных коллекциях. Предлагал обнародовать их и установить такой порядок, при котором любителям древностей разрешалось бы покупать раритеты, после того как от них откажется музей или же другая государственная организация. Но его инициативу просто проигнорировали. Никто не хочет легализовывать сложившуюся систему коллекционирования, поскольку в ней не будет места «черной археологии», на которой кое-кто неплохо наживает. Впрочем, мы отвлеклись... Так вот, я откликнулся на предложение «Гостя». Мы условились, что он приедет ко мне домой, чтобы показать вещицу. Что это за предмет, продавец заранее говорить отказался. Спустя три дня мы встретились.

– Он привез фотографию или саму пектораль?

– Сначала показал фотографию. Однако я засомневался, существует ли такая пектораль вообще. На фото может быть изображено что угодно. Он тоже это понимал и тут же продемонстрировал само изделие. Причем вытащил пектораль из обыкновенного полиэтиленового пакета, будто вяленого леща с рынка принес. Сказать, что я был в шоке, – значит ничего не сказать.

– И как же он объяснил, откуда она взялась?

– Сказал, что нарыл эту пектораль в районе Великоанадолья, в окрестностях кургана Казачья Могила, известного многим специалистам.

– Он что, не представился вам?

– Нет. В подобных случаях это обычная практика. Из разговора я понял, что он всерьез занимается раскопками и отлично понимает, что именно попало к нему в руки.

– А раньше вы с ним не сталкивались?

– Никогда. И знаешь, что меня удивило? Он был совершенно не похож на копателя, а я их повидал немало.

– Отчего же? Не умел торговаться?

– Да он вообще не торговался, хотя реальную стоимость своей находки, похоже, знал. Я обратил внимание на другое: мой гость очень волновался – это было видно без микроскопа. Чего-то боялся, что ли, так мне показалось.

– Возможно, вас и остерегался? Все же вы человек непростой, мало ли что может случиться.

– Да нет. Скорее всего, его тяготила сама находка. А меня-то он как раз и не остерегался – пектораль показал сразу, без раздумий. Притом на первую встречу приехал один, без охраны, и вещь с собой привез. Серьезные продавцы так не поступают.

Беляков затянулся, пустил кольцо дыма, которое тотчас взмыло под потолок беседки.

– Короче, я его предложение выслушал, и мы быстро сошлись в цене. Я предупредил, что сначала проведу экспертизу, и, если подтвердится, что пектораль на самом деле из скифских времен, немедленно выплачу всю сумму. Так и вышло, через пару дней он получил деньги и укатил восвояси.

– Суммируя вышесказанное, представляю, какой была сумма...

– Нет, ты не представляешь. На удивление, в нашей сделке фигурировали копейки, если, конечно, исходить из реальной стоимости этой пекторали. Он назвал цену – я не торговался... Но для рядового копателя или кто он там есть, думаю, сумма предостаточная. Даже более чем. Во всяком случае, гость остался доволен сделкой и, как мне показалось, хотел только одного – как можно скорее окончить разговор и удалиться.

– И вы так и не узнали его фамилию?

– Представь себе, нет. А зачем? Мы прекрасно понимали, что так будет лучше для нас обоих: меньше знаешь – крепче спишь. По крайней мере, мне так казалось. Теперь же, после смерти Полины и исчезновения пекторали, тебе прежде всего следует выяснить, что это был за фрукт, и разузнать обо всем, что с ним связано. А там сам решишь, причастен он к этому делу или нет.

– Задача понятная. И все же мне нужна хоть какая-нибудь дополнительная информация. Пригодится любая мелочь.

Беляков задумался. Затем кивнул.

– Есть кое-что. Охрана его дважды сфотографировала – сначала на входе, а затем и в доме. Так что он запечатлен во всех ракурсах, как на фотосессии. Мои охранники всегда так делают, на всякий случай. Думаю, это фото и станет для тебя зацепкой. И снимки, и нашу переписку мой помощник сбросит тебе на почту. В этих делах я мало что понимаю, но, думаю, при правильном подходе можно определить, откуда поступали письма. Короче, сам разберешься, не мне тебя учить. А в остальном поможет мой доверенный человек – Витек. Запиши его телефон, если что, он будет на подхвате. Все вопросы – к нему. Он парень толковый, не смотри, что на вид слишком грозный. Такая внешность нужна для солидности в определенных кругах, где он обычно решает сверхсложные задачи. Кстати, предупреждаю: не вздумай брыкаться и фраериться, – слегка повысил тон Беляков, заметив, как Черепанов отреагировал на Витьку. – Хорошо, если выяснится, что случайные люди, пришлые, устроили у меня «мокруху», а если это была наводка от заказчика? То-то же... В общем, Витек с братками очень пригодится, тебе в разборки лезть не резон. Твоя забота думать головой, для того я тебя и подключаю, а всякие побочные проблемы решим без твоего участия, если

понадобится, конечно. И по этому вопросу давай без возражений, так мне спокойнее будет, лады?

– Добро, проехали, – согласно махнул рукой Иван. – Теперь следующее. Как думаете, откуда они узнали, что пектораль находится у вас? Вы кому-нибудь говорили о покупке?

– Хороший вопрос! Между прочим, я и сам задавал его себе не раз, – озадачился Беляков и, почесав затылок, продолжил: – Я почти на сто процентов уверен, что об этой вещице никто ничего не знал. Понятно, за пределами моего дома, – тут же поправился он.

– А тут, где сидим мы?

– В доме, что ли? Об этом было известно лишь двум моим охранникам. Они ребята проверенные и надежные. Ручаюсь, что не «крысы», да и так просто не проболтаются. Конечно, о пекторали знала еще жена, я от Полины ничего не скрывал, естественно, показал ей и эту красоту. Но не говорил, что это реликвия. Сказал, мол, копия, сделанная с золотой пекторали скифских царей, и попросил пока никому о ней не рассказывать. Только разве она удержится! Само собой, примеряла, крутилась перед зеркалом, да и подругам своим наверняка показывала... Стоп! Есть еще домработница Вика. Она работает в нашем доме два года с того момента, как мы сюда переехали. Присматривает за хозяйством, совершает покупки, ну и ухаживает за садом. Кажется, всех вспомнил, – Беляков перевел дыхание. – Слышь, Иван Сергеевич, может, для первой встречи достаточно информации? Давай, как говорится, на дорожку еще по маленькой, и мои ребята отвезут тебя домой. Утро вечера мудренее, и так до звезд засиделись, а завтра все же рабочий день, притом загруженный по самое некуда.

Иван не стал отказываться от рюмки коньяка. Уже уходя, он задал Белякову вопрос, который не давал ему покоя в последние минуты разговора:

– Степан Степанович, мне показалось или вы специально обходите эту тему? Вы сказали, что пектораль прошла экспертизу, но ни разу не упомянули, кто эту экспертизу проводил.

– Знаешь, Иван Сергеевич, я тебе и так много рассказал. А что касается экспертизы... – Беляков сделал паузу, как бы решаясь на что-то. – Есть один человечек. Старенький уже, поэтому мы его и бережем от всяких неприятностей. Ювелир от Бога. Его слово для меня надежнее любых экспертиз.

Попрощавшись с хозяином, Иван двинулся к машине, где его уже ожидал кареглазый, подстриженный «под бокс» крепыш.

– Будем знакомы, Виктор, – протянул он руку.

– Очень приятно, Иван, – в свою очередь представился Черепанов.

– Давайте ключи от автомобиля и назовите адрес, куда ехать. Теперь я ваш личный помощник и нахожусь в вашем распоряжении в любое время суток, – подчеркнул Виктор и по-хозяйски сел на водительское место.

Уверенно, будто свою личную, он завел машину и повез Ивана домой. В зеркале заднего вида Черепанов заметил, что их сопровождает большой черный «ровер». Это был джип корпорации Белякова. Видимо, дело принимало серьезный оборот.

Несмотря на опасность, Иван даже был рад этой наступавшей в его жизни беспокойной адреналиновой полосе, которая заставляла сердце биться чаще и напрягала мышцы. Как себя ни обманывай, а все же это была его стихия.

Глава 8

Исчезновение царевича

134-63 до н. э.

– Для тебя, царевич, привели поистине царского жеребца. Усмири его! Только ты способен на это.

Конюх вел под уздцы черного, как вороново крыло, коня.

Тот, поднимая копытами пыль, не желал поддаваться человеческой воле. Его забрали из дикого табуна, только что пригнанного воинами для приручения. Это был вожак. Мощная грудь, массивный круп и бешеные глаза выделяли его среди других лошадей. Сильный, он никак не хотел смириться с потерей свободы.

Юный царевич Митридат также выделялся среди своих сверстников крепостью тела и силой духа. Не раз и не два вместе с другими юношами из знатных семей, отданными в обучение, он ходил на охоту. Тут не имело значение происхождение. Юноши состязались в искусстве стрельбы из лука и количестве охотничьих трофеев. Воспитатели прилагали все возможные усилия, чтобы их питомцы прошли сквозь горнило суровых испытаний. Им приходилось месяцами ходить по горам, ночевать среди кустарника на циновках, питаться тем, что добывали, а ключевую воду почитать как дар богов.

Много раз Митридат (наследников часто называли именем отца) побеждал в этих состязаниях. О его способностях Лаодике регулярно докладывал наставник Тичон. После смерти Эвергета, вызывавшей большие подозрения в своей естественности, она пристально следила за становлением сыновей. Младший, Митридат Хрест, всегда был при ней, его растили самые преданные кормилицы и учили лучшие учителя. Старший же, Митридат Евпатор Дионис (такое прозвище он получил за то, что, как бог Дионис, уцелел при ударе молнии в его колыбель), обычно находился в горах. Такое воспитание наследник принимал как должное, ведь быть воином – это истинное призвание мужчины. Так учил его покойный отец.

Сомнения в том, что его семья – оплот любви и справедливости, настигли мальчика в весьма юном возрасте. Когда на царских похоронах жрецы за его спиной шептались, что невозможно покинуть мир в расцвете сил так быстро, он спросил мать: «Почему от нас ушел отец?». Ответ был жестким: «О нашей судьбе знают только боги, и тебе, Митридат, не пристало думать об этом. Прими все как есть». Но царевич не хотел мириться с этим.

Эвергет умер не по своей воле – он был отравлен. К такому выводу пришел после похорон Клеарх – один из преданнейших воинов покойного царя. Из всех, кто мог быть причастен к его смерти, наиболее вероятным организатором отравления, а возможно, и его исполнителем была Лаодика.

Клеарх еще сомневался, глядя на нее в траурном облачении. Полные слез глаза и прижатые к груди сомкнутые руки подчеркивали страдания царицы. Однако вскоре эта женщина сбросила маску несчастной вдовы и, вступив на трон, продемонстрировала свой жестокий характер. Достигшая зрелой красоты, она, очевидно, стремилась утвердиться и выйти из тени покойного мужа. Это раньше, прежде чем ступить, Лаодика спрашивала разрешения войти. Теперь же все было иначе.

Казни некоторых ее обидчиков заставили многих воинов задуматься о своей судьбе. В свое время они недооценили ее природную красоту, отказав ей в похоти, – так казалось царице. На самом же деле подобный шаг был для них невозможен – это означало предать повелителя. Само собой, задумались и отдельные жрецы, которые, выпивая лишку вина, опрометчиво высказывались о полном отсутствии рациональности в женском уме, даже если

он царский. Большинство из них предпочли отправиться в странствия. В отдалении от этой женщины было все же спокойнее.

Клеарх не менее других был встревожен происходившими событиями. Из тех, кто знал о пророчестве, осталось только двое – он и Лаодика. «Царевич подчинит себе многие земли и в мощи своей будет сильнее отца», – гласило предсказание пифии. Но что же в таком случае будет с ней, Лаодикой? Смирится ли она со своей второстепенной ролью, после того как познала вкус власти? Клеарх знал таких людей, и эта женщина не была исключением.

По мере взросления Митридата мать все больше и больше от него отдалялась. И Клеарх напросился присматривать за мальчиком, быть ему наставником. Благодаря этому он всегда находился рядом с царевичем и мог внимательно наблюдать за происходящим. В нем все сильнее крепились подозрения, что «школа мужества», которую положено было пройти наследнику, имела мало общего с воспитанием будущего воина. Сделав такой вывод, Клеарх стал тайно давать царевичу противоядие. Митридат верил этому человеку как самому себе и раз в месяц принимал снадобье. Постепенно увеличивая дозу, наставник хотел одного: чтобы наследника не постигла судьба его отца. Но появились и другие опасности – фантазия Лаодики оказалась поистине неисчерпаемой...

– Давай, царевич, ты же будущий великий воин! – неистовствовала толпа зевак, требуя от Митридата покорить дикое животное.

Мальчик не знал, что ему делать. Почуввав это, конь стал безудержным. Его ноздри расширились, он фыркал и нервно гарцевал, готовый лягнуть любого, кто к нему приблизится.

Митридат подошел к жеребцу и положил ему на холку руку. «Ну же, успокойся... Стоять!» – мысленно приказал он, и конь, ощутив внутреннюю силу юноши, постепенно затих.

Не отрывая руки, Митридат обошел строптивного жоака сбоку и, резко оттолкнувшись от земли, вскочил на него. Необъезженный жеребец тотчас встал на дыбы, пытаясь сбросить наездника. Но мальчик всем телом прижался к нему и обхватил шею так, словно у него были не руки, а настоящие клещи. Зеваки разбежались в разные стороны, а взбесившееся животное, еще раз неудачно взбрыкнув, увидело перед собой путь к свободе и рвануло так, что конюх, державший его на аркане, неожиданно оказался под копытами. Удар пришелся по ребрам, что-то хрустнуло. Бедняга лежал на земле, корчась от боли и широко раскрыв рот. Его крик был беззвучен, а гримаса на лице страшна.

На следующий день старший из наставников Тичон прибыл в резиденцию царицы с докладом о случившемся.

Увидев Лаодику, он пал ниц:

– Повелительница, моей вине нет оправдания. Как вы и велели, мы испытали царевича. Жеребец оказался небывалой мощи. Не всякому опытному воину под силу совладать с таким, а для юноши – задача непосильная.

– Встань, Тичон! – приказала Лаодика, раздраженная его раболепием и страхом.

«Не жить мне, не жить!» – крутилась в голове дрожащего наставника одна и та же мысль.

Не глядя царице в глаза, Тичон продолжил:

– Конь понес... Правда! Правда!.. Да так, будто обладал силой вулкана. Воистину бешеное животное. Конюх, и тот не удержал, и был растоптан копытами.

– Это ему по заслугам, – привычно жестко заметила царица. – Он мне давно не нравился.

Тичон ощутил, как по позвоночнику, оставляя после себя холодный след, поползла капля пота.

Лаодика замолчала, но Тичон не осмеливался подать голос без ее разрешения. И только когда она сделала знак рукой, заговорил:

– Наследника мы искали днем и ночью. Шли по его следам, пока земля не стала каменистой. Похоже, до этого места юноша держался на коне, а дальше... Там, на холмах, след потерялся окончательно, – голос Тичона предательски задрожал. Ему предстояло сказать самое главное. Но как? Собравшись с духом, он выдохнул: – О судьбе царевича мне ничего не известно.

Лаодика встала со своего трона и обошла вокруг трясущегося наставника.

– Я еще не придумала, как покарать тебя, но... ответь на один вопрос: с вами был Клеарх?

– Да, моя повелительница, был! Он обязательно подтвердит мои слова.

Лаодика повернулась к евноху, стоявшему у входа:

– Позови начальника стражи!

«Ну вот и конец...» – испуганно подумал Тичон, которого начала бить мелкая дрожь.

Лаодика брезгливо созерцала, как из тщедушного тела наставника выходит наружу человеческий страх.

Начальник стражи появился в дверях и, как положено, вытянулся перед царицей, не обращая внимания на коленопреклоненного человека.

– Казнить!

Начальник стражи перевел взгляд на Тичона.

– Нет, не его, Клеарха! А этот, – царица ткнула пальцем в сторону Тичона, – укажет, где его разыскать.

– Я помогу! Я укажу! Вы так справедливы, моя повелительница! Вы так справедливы! – рыдал, словно женщина, наставник.

Пока начальник стражи тащил его к выходу, он сквозь слезы не переставая благодарил царицу. Истерика Тичона продолжалась еще некоторое время. Когда же он наконец успокоился, то вспомнил, что не доложил царице о том, что вместе с царевичем исчезли еще четырнадцать юношей.

Глава 9

Оборванная нить

21 июля 2013 года

Харьков встретил Виталия Заборского нудным дождиком. Хорошо еще, что жена, узнав о предстоящей командировке, поинтересовалась прогнозом погоды и положила ему в сумку складной зонт.

Ветра почти не было, и небо над городом затянуло пеленой мрачных туч, которые, казалось, нависли прямо над головой у пешеходов. В общем, все это не способствовало настроению.

Виталий вышел из здания железнодорожного вокзала и, как ни странно, не узнал бывший ему когда-то родным город. Со времени учебы в юридической академии прошло более десяти лет. «Если уж быть совсем точным – двенадцать», – отметил про себя Заборский и грустно вздохнул. Все верно, почти треть жизни, а кажется, будто вчера. Как быстро летит время! Его мама в таких случаях говорила: так и вся жизнь пролетит, не успеешь оглянуться. А он ее слова всерьез не принимал. Какие его годы, все еще впереди!

Вздохнув еще раз, Виталий стряхнул с себя грустные мысли, навеянные слякотной погодой. Спрятавшись под зонт, он поспешил к стоянке такси.

Таксист, как и многие его коллеги, болтал без умолку. Причем на любые темы – от повышения цен на топливо до ситуации на Ближнем Востоке. А узнав, что пассажир когда-то учился в их городе и с тех пор здесь не бывал, мигом превратился в экскурсовода.

Алексей, так его звали, вез Заборского по знакомым, но при этом совершенно неузнаваемым улицам. Город очень изменился, особенно в своей центральной части. И казалось, что Харьков конца 90-х и современный Харьков – это два разных города.

За окном автомобиля виднелась нарядная и, несмотря на слякоть, чистая набережная. Такой красочной Виталий ее раньше не видел: множество новых магазинов с красиво оформленными витринами, цветочные клумбы, лавочки для отдыха... Словом, Харьков стал более ярким и уютным. А главное, как не преминул отметить водитель, резко улучшилось качество дорог.

– И все равно аварий меньше не стало, – с горечью констатировал он. – Всякие козлы покупают права и гоняют, как бешеные. А бабы за рулем вообще что-то невообразимое. Папики да бойфренды надарили им машин, вот они и отрываются по полной программе. И стало их просто немеряно. Попробуй им слово сказать – в ответ услышишь десять и «фак» в придачу. И у каждой такая «крыша», что мама не горюй!

Виталий слушал словоизлияния таксиста молча. Время в дороге пролетело незаметно.

Серая панельная пятиэтажка по улице Пушкинской, тридцать пять, куда его доставило такси, внешне ничем не выделялась среди соседних домов. «Хрущевка» – она везде «хрущевка». Разве что на ее облупленных, выдавших виды стенах вместо пестрых граффити чернели надписи, сделанные угольком. Лаконичные и конкретные: «Витя – козел», «Металлист – чемпион!», и даже сообщался номер телефона какой-то Оксаны с вполне понятным пояснением, чем именно она может помочь. Словом, типичный дом, каких по стране сотни тысяч.

В покосившейся от времени беседке сидели два неопределенного вида субъекта. Они, похоже, отмечали окончание трудового дня, не спеша потягивая из больших пластиковых стаканов пиво. Пустые пивные бутылки валялись тут же. Заборский подошел к ним, поздоровался и на всякий случай уточнил, в каком подъезде находится нужная ему квартира.

– В третьем, – безо всякого интереса, обычного в таких случаях у соседей, ответил один из сидящих за столом мужиков, – вон в том, дальнем.

– А может, пивка с нами бахнешь? У нас есть отличная рыбка и пиво в заначке, бутылок пять, наверное, притом свежайшее. Правда, уже малость нагрелось, – вклинился в разговор его товарищ и ткнул ногой в белый полиэтиленовый пакет, стоявший под столом, в котором звякнули бутылки.

– Нет, спасибо, – отказался от заманчивого предложения Заборский. – Я, ребята, вроде как на работе.

Возле подъезда Виталий присел на обшарпанную лавочку, достал из кармана пачку сигарет и закурил. Он вырос в такой же пятиэтажке...

Такие дома в народе называют хрущобами, и они есть в любом городе бывшего Советского Союза. Их массовое сооружение началось в хрущевские времена, хотя разрабатывать проекты доступного жилья и строить заводы железобетонных конструкций стали сразу после войны, когда у власти еще был «отец народов» Иосиф Виссарионович Сталин. И как бы злые языки ни издевались над «хрущобами», именно они до сих пор составляют значительную часть жилого фонда страны. Этот факт Заборскому был известен точно, поскольку совсем недавно готовил репортаж об одном из аварийных домов в Лугане.

Осмотрев пятиэтажку, Виталий мысленно переключился на человека, ради которого он приехал в Харьков. Это был археолог Реваз Константинович Мачавариани. Именно он вышел на связь с Беляковым, предложив ему купить скифскую пектораль. Спецы коллекционера, как и ожидалось, довольно быстро установили имя продавца и составили досье.

Узнав, что след ведет в Харьков, Черепанов решил направить туда именно Заборского, который неплохо знал город. К тому же он был уверен, что Виталий с его многолетним опытом журналистских расследований лучше других сумеет разговорить незнакомца. Оба они понимали: Реваз Мачавариани может помочь им выйти на преступников.

«Буду действовать по обстоятельствам, – решил Заборский. – В конце концов, так называемый Гость меня явно не ждет, и фактор внезапности будет на моей стороне».

Виталий затушил сигарету и быстрым шагом вошел в темный, пропахший сыростью подъезд.

Квартира под номером 45 находилась на четвертом этаже. Виталий нажал кнопку звонка и услышал за дверью медленные шаркающие шаги.

– Кто там? – послышался глухой женский голос.

– Моя фамилия Заборский, я из музея. Нельзя ли мне увидаться с Ревазом Константиновичем? – произнес он заранее подготовленную фразу.

Некоторое время за дверью стояла тишина. Затем щелкнул замок, и перед Виталием предстала невысокая седая женщина в черной вуали с потухшим взглядом.

– Меня зовут Виталий Григорьевич, я старший научный сотрудник киевского музея этнографии.

– Что ж, милости прошу, входите. Я мама Реваза.

Она посторонилась, и Заборский вошел в небольшой, напоминающий аккуратную кладовку коридор.

– Впрочем, разве вы не знаете? Реваза больше нет, – медленно выговаривая слова, сказала она. – Он умер.

Глава 10

Прощай, любимый город!

21 июля 2013 года

От неожиданности Виталий застыл на месте.

– Как умер? – не предполагавший такого поворота событий Заборский даже растерялся. – Он ведь еще молодой, ему же и пятидесяти не было?

– Сорок девять лет, шесть месяцев и три дня... Меня зовут Клара Иосифовна. Реваз был моим единственным сыном.

Они прошли в комнату, обставленную некогда дефицитной польской мебелью. Присев у стола, Виталий прикидывал, как бы деликатно расспросить мать Реваза о том, что произошло с ее сыном.

– Простите меня за бестактность, но вы не могли бы рассказать, что же случилось с Ревазом Константиновичем? – заговорил он после некоторой паузы.

– Его сбила машина, – безысходно ответила она. – Это случилось поздним вечером. Реваз брался за любую работу – вы же знаете, какие теперь зарплаты у преподавателей, – даже вел археологическую секцию во Дворце пионеров, или как он там сейчас называется. После занятий он задержался, и по дороге домой прямо на пешеходном переходе...

Не сдержавшись, Клара Иосифовна тихо заплакала. Заборскому было искренне жаль эту несчастную женщину. Но, как и многие мужчины, при виде женских слез он терялся и не знал, как себя вести и что сказать, особенно когда слова мало что значили.

Через несколько минут хозяйка квартиры успокоилась и продолжила:

– Удар был очень сильным, тело отбросило на несколько метров. Но машина даже не остановилась. Реваз так и остался лежать на дороге. Его заметил кто-то из прохожих и вызвал «скорую». Когда приехали врачи, сын был уже мертв. Он потерял слишком много крови...

– А разве свидетелей ДТП не было? – уточнил на всякий случай Виталий. – Ведь с их помощью можно было бы установить хотя бы марку машины.

– Нет, время было позднее, да и дождь шел сильный. Милиция пыталась найти свидетелей, даже объявление давали на телевидении, в специальной программе. Безрезультатно.

– Знаю такую передачу, – подтвердил Заборский, – она называется «Дорожный патруль».

– Наверное, – согласилась Клара Иосифовна, – этого я уже не помню. Однако никто так и не откликнулся. Найти машину в огромном городе, наверное, непросто. Если ее вообще кто-нибудь ищет...

Она замолчала. Молчал и Виталий. Собираясь с мыслями, он осторожно осмотрелся. Окно было плотно занавешено, и свет в комнату почти не проникал. На стене висело бра, а под потолком одиноко маячила обычная лампочка.

– А вы действительно из музея? – неожиданно задала вопрос Клара Иосифовна.

Заборский, конечно, мог бы соврать и про документы, которые якобы оставил в гостинице, и про необычайно срочное дело, которое его привело, но ему почему-то не хотелось обманывать эту убитую горем женщину, потерявшую сына, а с ним и весь смысл своей жизни.

– Извините, я вам соврал. Я не из киевского музея. Я журналист из города Лугани. Мы проводим журналистское расследование о пропаже одной редкой археологической находки, которая была знакома вашему сыну. Возможно, некоторое время Реваз Константинович даже хранил ее у себя. Об этом мне и хотелось поговорить с ним.

– Вы полагаете, что мой сын был причастен к какому-то грязному делу? – встревожилась Клара Иосифовна, пристально глядя на Заборского.

– Нет-нет, – поспешил уверить ее Виталий. – Все гораздо проще: эту вещь ему могли дать на экспертизу. Нас заинтересовало его мнение как специалиста. Всем хорошо известно, что Реваз Константинович много лет занимался раскопками скифских курганов. Разве не так?

– Вы правы, – согласно кивнула Клара Иосифовна. – Но в нашем доме я не видела никаких древних находок. У археологов это, знаете ли, не принято. Думаю, нет их и сейчас. Правда, в комнате Реваза я никогда не рылась. Он не любил, когда без его ведома трогали вещи. Такой вот комплекс старого холостяка.

– Ну а каких-либо резких перемен в его поведении вы не замечали? Может, он стал менее внимательным, переживал о чем-то? Понимаете, в связи с последними событиями любая деталь может оказаться важной. Но не потому, что ваш сын в чем-то замешан, – на всякий случай добавил Виталий.

– А знаете, возможно. В последнее время Реваз был каким-то дерганным, нервным. Уезжал куда-то на несколько дней. Я решила, что у него неприятности на работе. С кем не бывает? – Клара Иосифовна помолчала. – Если бы я знала...

– А вы не интересовались, из-за чего он переживал?

– Несколько раз пыталась. Но сын был человеком скрытным. Даже со мной особо не откровенничал. Вот и создать семью у него не получилось...

– И что, он всю жизнь прожил с вами?

– Нет, что вы! У него была жена. Они с Людмилой учились на одном факультете. Реваз женился в двадцать шесть лет, в 90-е годы. Вы наверняка помните, какое тогда было непростое время. В один день исчезло огромное государство. А вместе с ним мечты, идеалы, надежды. Страна превратилась в огромный базар. Несмотря на трудности, родители Людмилы помогли молодым купить квартиру на Салтовке. Есть у нас такой район, если вы знаете.

– Знаю, я учился в вашем городе, – подтвердил Загорский.

– Ну, тем более. Так вот, они прожили почти пять лет. Детей у них не было, – женщина тяжело вздохнула. – Чья уж тут вина – не знаю. А что значит семья без наследников, особенно для человека, у которого грузинские корни? Это, видимо, и сыграло решающую роль в том, что они расстались.

– Отец Реваза из Грузии?

– Да. Мой покойный муж Константин Гурамович Мачавариани уехал из Тбилиси в самом начале 50-х, когда еще был жив Сталин. Молодой амбициозный ученый в пылу спора не совсем толерантно высказался о политике власти по отношению к науке и тотчас попал на карандаш в соответствующие органы. В то время поутихшие были репрессии возобновились с новой силой. Но, к счастью, он легко отделался: в стране разворачивалось известное «дело врачей», и о других категориях «посадочного материала» немного подзабыли. Однако Грузию пришлось покинуть. И он приехал сюда, в Харьков. Устроился младшим научным сотрудником в отраслевой институт, где мы и познакомилась. Вместе нам суждено было прожить недолго. Когда Константин Гурамович умер, Ревазу было всего десять лет, и мне самой пришлось воспитывать его. А теперь я и вовсе одна...

– Как вы думаете, Клара Иосифовна, что же такое могло произойти у вашего сына на работе? Почему он, как вы говорили, так сильно нервничал? – попытался отвлечь ее от тяжелых воспоминаний Заборский.

Женщина задумалась.

– Реваз действительно стал очень раздраженным. Я бы даже сказала, что он еще больше замкнулся. Иногда вдруг начинал разговор о том, что ему все надоело: Украина, Харьков,

работа за гроши. Что мы скоро уедем в Грузию, купим там большой дом в живописном месте у реки, он женится, и у меня появятся внуки. Много внучат... А когда я спрашивала, где мы возьмем на это деньги, просил ни о чем не волноваться. Мол, он стоит на пороге грандиозного открытия, за которое ему много заплатят.

– Он в самом деле сделал какое-то открытие?

– Не думаю. Скорее всего, просто шутил или хотел отвлечь меня от грустных мыслей.

– Скажите, а друзья у него были? Они приходили к вам?

– Были, конечно, но немного. С возрастом приобретать друзей становится все сложнее и сложнее. А для моего сына, привыкшего к одиночеству, тем более. Если у него и были настоящие друзья, то это ребята, с которыми он учился в школе. Но они давно разъехались кто куда. Саша Гладышев живет в России, в Санкт-Петербурге. Скрынников – в Киеве. Боря Кац вместе с родителями уехал в Израиль.

– Получается, что к вашему сыну в последнее время никто и не заходил? – уточнил Виталий.

– Получается, что так. Хотя... Вспомнила! Недели три назад к нам приходили двое. Сын представил их как коллег по работе, с которыми нужно обсудить диссертацию. А вот чью диссертацию, так и не сказал.

– Вы прежде их видели?

– Нет, не случилось. Они предварительно позвонили и вечером приехали. Кажется, это был выходной день. Да, точно, суббота.

– Они долго беседовали?

– Наверное, около получаса, точно не припомню, – Клара Иосифовна перевела дыхание, что-то обдумывая, и тут же продолжила: – К слову, Реваз после их ухода был сам не свой.

– И он не объяснил, отчего так разнервничался?

– Увы. Сказал только, что диссертация написана из рук вон плохо и ему жалко потерянного времени.

– И вы поверили в это?

– И да, и нет. Вообще-то, он редко обсуждал чужие статьи дома, для этого у него были университет и кафедра. Я потом вспомнила, что накануне этого визита сын почему-то сильно волновался и, кажется, что-то долго искал в своей комнате. А может, мне показалось? Но вот что я вам скажу: его гости ничем не походили на университетских преподавателей. Я еще тогда обратила на это внимание. Хотя вели они себя учтиво. С другой стороны, разве можно сегодня по внешнему виду определить, ученый человек или нет? В нашем мире все перевернулось.

Клара Иосифовна вдруг пристально посмотрела на Виталия:

– А ведь я этого, молодой человек, милиции не рассказывала. Да они и не спрашивали. Я вот и про диктофон только сейчас вспомнила...

– У вашего сына был диктофон? – Заборский почувствовал, что их беседа только сейчас подошла к самому главному, и внутренне напрягся.

– Года три назад его подарили сыну студенты-заочники. Кажется, во время одной из сессий. Вы знаете, иногда бывают такие ситуации, когда... – спокойно пояснила она.

– Извините, – перебил ее Виталий, – а можно увидеть диктофон? Если вы, конечно, не против. И еще я бы хотел взглянуть на компьютер вашего сына. Поверьте, это очень поможет мне понять, что же на самом деле произошло в тот злосчастный вечер там, на переходе.

– Пожалуйста. Вот только не знаю, где этот диктофон лежит. А что касается компьютера, он на рабочем столе сына. Я сейчас редко захожу в его комнату. Мне все кажется, что он уехал в командировку и вот-вот вернется, – Клара Иосифовна произнесла эти слова и отвернулась, пряча от гостя слезы.

– А давайте я помогу вам, – быстро нашелся Заборский, стремясь отвлечь ее от нахлынувших воспоминаний. – Как бы там ни было, искать вдвоем сподручнее.

– Пойдемте, – легко согласилась она. – Я думаю, что, если бы мой сын был жив, он обязательно помог бы вам в расследовании.

Они вошли в небольшую комнату, служившую Ревазу Мачавариани одновременно и кабинетом, и спальней. Стол, шкаф и заставленные множеством книг полки были покрыты слоем пыли. Виталий сразу обратил внимание на открытый ежедневник, который лежал рядом со стареньким монитором.

– Можно, пока вы будете искать диктофон, я посмотрю компьютер?

– Смотрите, – равнодушно разрешила Клара Иосифовна. Казалось, она не расслышала просьбу Виталия, целиком погрузившись в воспоминания, навеянные обстановкой комнаты сына.

Заборский включил компьютер. «Главное, чтобы не было пароля», – повторял он про себя, как заклинание, но засветившийся голубоватым светом монитор его успокоил. Достав заранее приготовленную флешку, Виталий быстро скачал информацию, содержащуюся на жестком диске.

– Так что там с диктофоном? – вывел он из оцепенения Клару Иосифовну. – Вам помочь?

– Ах да, – спохватилась хозяйка. – Давайте посмотрим в ящиках стола. Скорее всего, сын держал его там.

Но ни в ящиках рабочего стола, ни на полках, ни в одежде Реваза, висящей в платяном шкафу, диктофона не оказалось.

– А может, он отнес его на кафедру и оставил там? – предположила она. – Если это так, то вам придется съездить в университет. Думаю, что коллеги Реваза вам помогут. Хотя, будь диктофон на кафедре, они бы мне его уже привезли.

На минутку задумавшись, Клара Иосифовна вновь подошла к платяному шкафу:

– У Реваза в детстве было укромное местечко, где он хранил свои мальчишеские сокровища. Он думал, что мы с отцом об этом не знаем. Оно вот здесь, в нише между батареей и шкафом. В последнее время мы сделали из этого тайника домашний сейф. Мне нужна ваша помощь.

Заборский опустился на цветастый ковер и пошарил рукой в нише. Он сразу наткнулся на пухлый полиэтиленовый пакет, перетянутый тонкой резинкой.

– Вот, держите свое богатство, – произнес он, поднимаясь с колен. – Только учтите, Клара Иосифовна, это далеко не лучшее место для его хранения.

Она сняла резинку и зашуршала полиэтиленом. Сначала достала увесистую стопку почетных грамот и дипломов. Мельком взглянув на них, Заборский заметил, что это были награды хозяйки за участие в спортивных соревнованиях по биатлону. «А у старушки была бурная молодость», – подумал он. И сразу же забыл об этом: среди семейных реликвий матовым серебром блеснул диктофон.

– А вот и диктофон. Только зачем его Реваз сюда положил? Странно, ведь он особой ценности не представляет. Или я чего-то не понимаю? – Клара Иосифовна вопросительно посмотрела на Виталия.

– Возможно, он сделал это машинально, так бывает. А все остальное на месте? Ничего не пропало?

– Ой, посмотрите! – вскрикнула хозяйка. – А этого пакета у нас не было. По всей видимости, Реваз положил его сюда совсем недавно.

Она с опаской протянула Заборскому продолговатый сверток, аккуратно обмотанный скотчем.

– Хотите посмотреть, что в нем? – Виталий с некоторым усилием освободил сверток от скотча.

Перед ним и изумленной Кларой Иосифовной из пакета выпали пачки стодолларовых купюр. Упаковок с американской валютой было много. Очень много... Среди денег мелькнула и новенькая банковская карта.

– Что все это значит? – испуганно произнесла она, глядя на находку. – Откуда у Реваза эти деньги? Он что, на самом деле совершил открытие? Но почему тогда ничего не сказал мне? А вдруг он замешан в какой-то дурной истории?

– Да не волнуйтесь вы так, – успокоил Клару Иосифовну Заборский. – Деньги Реваз Константинович мог заработать и без научного открытия или за долгое время скопить. А вам не говорил, потому что хотел сделать сюрприз. Вы же сами рассказывали, что сын намекал на скорый переезд в Грузию. В общем, теперь эта находка принадлежит вам, и я уверен, деньги вам не помешают. Ревазу Константиновичу нужно будет поставить памятник, да мало ли какие еще расходы предстоят?

Заборский, конечно же, сразу понял, что деньги, которые спрятал Реваз Мачавариани, были получены от Степана Степановича Белякова. Разумеется, они заработаны не совсем честным путем. Но не возвращать же их Белякову? Перебьется! Да и не убудет у него. Тем более что Реваз поплатился за это жизнью. Виталий решил, что будет справедливее оставить деньги маме погибшего археолога.

– А вот диктофон, если позволите, я возьму на некоторое время с собой, – обратился он к ней и добавил: – Целостность и сохранность гарантирую. Могу написать расписку, чтобы вы не волновались.

– Ну что вы такое говорите, берите, раз это нужно для вашего расследования. Возможно, мой сын хоть этим поможет в ваших поисках. Все-таки вы ехали к нему... – Клара Иосифовна выдержала паузу и вдруг спросила: – Скажите, а вы уверены, что никому не надо сообщать о найденных деньгах?

– Уверен! – заверил Заборский. – Пользуйтесь ими, как сочтете нужным!

Конечно, заверяя пожилую женщину, он брал на себя определенную ответственность. Но ему было по-человечески жаль ее.

Виталий вынул флешку и выключил компьютер.

– Большое вам спасибо за помощь, – сказал он на прощание. – Еще раз примите мои соболезнования. Я оставлю вам свой номер телефона. Если кто-то будет интересоваться делами Реваза Константиновича, не считайте за труд – позвоните, хорошо?

Пожимая протянутую ему руку, Заборский удивился, ощутив энергичное пожатие хозяйки дома.

При таком повороте событий в Харькове ему больше нечего было делать. Он решил, что сообщит Черепанову о сложившейся ситуации с вокзала, и вызвал такси.

Хотя мелкий дождь и поутих, солнце так и не выглянуло из-за тяжелых туч, а порывистый ветер даже усилился. Во дворе было пусто. Ушли даже те двое из беседки. Видно, мало приятного пить пиво под дождем.

Чтобы не промокнуть в ожидании такси, Заборский спрятался под крышей беседки. О недавнем присутствии здесь «отдыхающих» напоминала только пара пустых бутылок, затившихся под лавку. Глядя на бутылки, Виталий машинально отметил, что местный народ отдает предпочтение пиву с названием «Рогань». Въехавшая во двор машина с надписью «Такси Экспресс» отвлекла его от наблюдений. Махнув водителю рукой, он ловко прыгнул на заднее сиденье автомобиля, ускользнув от усиливающегося дождя.

И только в такси, безучастно глядя на мелькающие за окном улицы города, он вдруг понял, что насторожило его там, в беседке, – надпись «безалкогольное» на бутылках из-под пива. Весь его жизненный опыт говорил о том, что никакой уважающий себя мужчина не

станет употреблять вяленую рыбу под безалкогольное пиво. Эти два продукта просто несовместимы! Тогда что это значит? Виталий задумался... Во дворе дома харьковского археолога его явно ждали. Не исключено, что и сейчас за ним ведется наблюдение из другой машины. Во всяком случае, он бы сделал так. Оглянувшись, Заборский увидел только контуры автомобилей, едва просматривающиеся в потоках дождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.